

18+

ЮРИЙ ЯНЬШИН

ФОРМУЛА БОГА

Юрий Яньшин

Формула Бога. Возвращение

«Издательские решения»

Яньшин Ю. В.

Формула Бога. Возвращение / Ю. В. Яньшин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984401-9

В книге отражена попытка автора осмыслить ход человеческой цивилизации, используя некоторые сведения, почерпнутые из Библии.

ISBN 978-5-44-984401-9

© Яньшин Ю. В.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Часть первая. Возвращение	8
I	9
II	18
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Формула Бога Возвращение

Юрий Витальевич Яньшин

© Юрий Витальевич Яньшин, 2020

ISBN 978-5-4498-4401-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моей дорогой маме —

Морозовой Тамаре Павловне,

моему вдохновителю, соавтору и критику.

От автора. Это первое мое крупное произведение, написанное и представленное суду широкой общественности. Хочу сразу предупредить критически настроенных читателей, что я не физик, не химик и не математик. И ни в коей мере не претендую на роль пифии при Оракуле. Это произведение, просто полет моей бурной и может в какой-то степени не совсем здоровой фантазии. Мне очень хотелось представить иные миры и адаптировать их к сознанию рядового обывателя. Описывая жизнедеятельность инопланетян я мог бы использовать, ничего не значащие, а потому неудобоваримые, термины типа «брамбулета на петяровом масле», как у уважаемого мной покойного Кира Булычева. Однако поразмыслив, отказался от этой затеи, поэтому мои персонажи, хоть и имеют инопланетное происхождение, но с удовольствием едят борщ, а при необходимости принимают таблетки нитроглицерина. Я вполне осознаю, что сюжет местами грешит затянутостью, «бородатым» юмором и иногда откровенной скукой. Уважаемые верующие, прошу Вас, не считайте, пожалуйста, данное произведение антиклерикальным и обижающим Ваши религиозные чувства. Больше всего мне хотелось бы этого избежать, но если я все-таки ненароком Вас обидел, то простите меня, Христа ради! P.S. Все персонажи произведения, за исключением семьи Кругловых, являются подлинными.

За сим, откланиваюсь и желаю приятного времяпрепровождения

Вступление

Приказ от 10 июля 7518 от С.М., номер 864.10.07

Службе ПВ-перемещений¹ по шестому сектору:

- На основании распоряжения Надзорной инстанции по Шестому сектору, за номером 594.10.07 обеспечить и проконтролировать разрыв контакта между объектами «1» и «3» с выводением последнего за рамки локализованной среды за 2 сек. до общего завершения операции;
- Обеспечить и проконтролировать совмещение объектов «1» и «4» в одной точке пространства и времени, к моменту общего завершения операции;
- Обеспечить и проконтролировать разрыв контакта и рассинхронизацию объектов «1» и «2» (шифр 103) к моменту общего завершения операции. После рассинхронизации объектов, считать миссию объекта «1» завершённой;
- Назначить начало и конец операции на 22 июля 07 часов 52 минуты 32 сек. по местному летоисчислению и времени.

(Нач. отд. планирования ПВ-операций – генерал-майор Ангельской Службы Василий Васильев²).

Приказ от 18 июля 7518 от С.М., номер 944.18.07

Службе ПВ-перемещений по Шестому сектору:

- Приказ от 10 июля 7518 от С.М., номер 864.10.07 Службе ПВ-перемещений по Шестому сектору считать с настоящего момента утратившим силу;

2. На основании распоряжения Надзорной инстанции по Шестому сектору, за номером 637.18.07 обеспечить и проконтролировать остановку жизнедеятельности объекта «1» в условленном участке времени и пространства;

- Обеспечить полный разрыв контакта и синхронизации объектов «1» и «2» (шифр 103) в установленное время;

После рассинхронизации объектов «1» и «2» считать миссию объекта «2» оконченной;

- Назначить начало и конец операции на 22 июля 07 часов 50 минут 32 секунды по местному летоисчислению и времени.

(Нач. отд. планирования ПВ-операций – генерал-майор Ангельской Службы Василий Васильев.

Завизировано: Начальник Ангельской Службы Шестого Сектора генерал-лейтенант Ангельской Службы Архангел Гавриил).

Наступление этого утра, для Захара Круглова, оказалось невыносимо и мучительно долгим. С ночи никак не удавалось уснуть, долго ворочался, отыскивая местечко поудобней и попрохладней на узком диванчике. Мучила духота, несмотря на открытую дверь балкона. Хотел встать и сунуть голову под кран с холодной водой, чтобы хоть как-то освежиться, но вста-

¹ Пространственно-временных (фант.)

² Василий Васильев известный как монах Авель.

вать при этом ужасно не хотелось, так как знал, что если сейчас решится и встанет, то со сном можно будет вовсе распрощаться. Знал он за собой такую черту. В голове копошились дурацкие мысли, перемежающиеся ритмами новомодных шлягеров, еще с вечера доносившихся из открытого окна дома, что стоял напротив. «Фу, какая гадость! – подумал он, – И чего только не лезет в башку!» Тревожное ощущение какой-то беды, неумолимо надвигающейся непонятно откуда, закралось в сознание и начало укореняться в нем. Что-то неприятно покалывало в области сердца и это покалывание эхом отдавалось болью в левом локте. Раньше с ним такого никогда не случалось. Прислушался. Из соседней, смежной комнаты не доносилось ни звука – жена всегда спала тихо и даже никогда не ворочалась во сне, засыпая и просыпаясь в одной и той же позе. Он всегда по-доброму удивлялся этой её особенности. Вместе они не спали уже больше месяца. И не то чтобы они ругались, этот период в их совместной жизни уже благополучно миновал, а просто в один прекрасный день поняли, что вполне могут обходиться без обязательных атрибутов семейного бытия. Специфика его службы, связанная с длительным нахождением в чисто мужской среде, приучила Захара к длительным воздержаниям и они не доставляли ему особых хлопот. Что же касалось жены, то его мало интересовал вопрос того, как она с этим справляется. Он не исключал, что у нее уже давненько есть кто-то «на стороне», но, по большому счету это уже не волновало его нервную систему никоим образом. Они были чужими друг другу, и их ничто не связывало кроме дочери и нелепого «синяка» в паспорте. В общем, каждый жил своей жизнью и старался не вмешиваться в чужую. В голову нахлынули воспоминания...

Часть первая. Возвращение

– Дядя Павел, вы шпион?!

– Видишь ли, Юра...

*(из к/ф. «Адъютант Его
Превосходительства»)*

I

Со своей будущей женой Оксаной он встретился почти 10 лет назад, когда он, будучи на последнем курсе КВАКУ³, частенько стал захаживать на «танцульки», организованные при деятельном участии руководства училища, дальновидно считавшим, что негоже будущим лейтенантам начинать службу в гарнизонах «не окольцованными». Восемнадцатилетняя, только что окончившая колледж, высокая и стройная, с небольшой, но упруго торчащей из-под низкого выреза розовой кофточки грудью, с такими чертиками в глазах, она выгодно отличалась от коренастых по большей части и уже примелькавшихся дочек преподавательского состава училища и служащих, расположенного неподалеку артиллерийского полигона. Несмотря на то, что стала объектом повышенного внимания со стороны молодых самцов, она, не обращая особого внимания на их неуклюжие попытки завладеть ее вниманием, первая проявила инициативу, пригласив Захара на танец. Это явно противоречило неписаному этикету подобных собраний, где девицы должны были, опустив очи долу и алея от напускного смущения, робко давать согласие особям противоположного пола на предложение станцевать. Решительно взяв его за руку, она повела его в круг танцплощадки. Впрочем, ничего удивительного в этом не было, ибо Захар и сам являлся личностью неординарной в физическом и эстетическом плане. Высокий и широкоплечий, со светлым пушком чуть заметных пшеничного цвета усов на чистом, без традиционных, в этом возрасте, угрей на лице, он мог служить живым олицетворением мужской привлекательности. Именно о таких парнях грезили во все века девушки. Да он и сам знал, что является предметом тайных вздыханий доброй половины из присутствующих здесь девушек. Иногда даже пользовался этим, но без злого умысла и урона для девичьей чести. Видимо поэтому, несмотря на свои впечатляющие внешние достоинства и благодаря своему незлобивому от природы характеру, ему удавалось не нажить себе врагов и соперников, как среди женщин, так и среди мужчин. А вот эта девушка его чем-то явно «зацепила». То ли своей решительностью, то ли цветом своих изумрудных глаз вкупе с крутым изломом, на манер татарского лука, аккуратных бровей, то ли доверчивостью своих рук, ласково обвивших его шею. «Ведьма» – подумал он тогда впервые. – «Ну и пусть!» Из разговора выяснилось, что она является единственной, а потому любимой дочерью полковника (два его сына были постарше), прибывшего с какой-то проверочной миссией из столицы на соседний полигон и оказавшимся по случаю старым однокашником начальника училища. Дочка, изнывая от пресыщения и соблазнов жаркой и пыльной «первопрестольной», увязалась за отцом, в чаянии новых впечатлений от загородной поездки. Они протанцевали вдвоем весь вечер, а потом он ее провожал до местной ночлежки, носившей по какой-то не совсем понятной причине пафосное название «Гостиница Советская», которой больше подходило «дом колхозника». Еле-еле успел к вечерней поверке. Обменялись адресами, обещая непременно писать друг другу. Он сдержал данное обещание, написав ей первой письмо, потом еще и еще. На одно она даже ответила, сообщив ему в дежурных фразах, что у нее все хорошо, что она учится и времени у нее ни на что не хватает, поэтому просит не обижаться, если она не всегда будет успевать с ответами. Больше писем от нее не было. Что было дальше? А дальше был Дагестан и, Вторая Чеченская... Воспоминания проносились в голове со скоростью Красной Стрелы и носили обрывочный и хаотичный характер, упорно возвращая его к ней.

Их вторая встреча произошла почти два года спустя, когда он уже в чине старшего лейтенанта, с неярко поблескивавшими на груди двумя крестами – «За мужество» и «Военные заслуги» случайно столкнулся с ней на выходе из подземного перехода столицы, куда он прибыл по делам службы. Роман, так неожиданно начавшийся и прерванный почти два года назад,

³ Коломенское Высшее Артиллерийское Командное Училище.

получил еще один шанс и не преминул им воспользоваться. Наличие выправки бывалого военного, а так же орденов, сделали свое дело, как этого и следовало ожидать. Шестым, а может быть и тринадцатым (кто их женщин разберет) чувством, Оксана поняла, что, такие как Захар, будут иметь в новой армии, которую начал строить молодой президент, шикарные перспективы. Кстати, новым оказался не только президент, о котором еще вчера никто и ничего не знал, но и министр обороны, начавший, как это и полагается, с того, что стал всюду менять прежние кадры и рассаживать своих людей. Именно благодаря такому неожиданному социальному лифту, отец Оксаны, уже казалось бы отчаявшийся поменять свои три звезды с двумя просветами на одну, но без оных, хоть пока и не получил желаемого, однако сумел пристроиться при Генштабе на хорошей и непыльной должности. При этом небезосновательно мечтая о генеральской пенсии, проведя остаток жизни на какой-нибудь подмосковной даче. Папаша пошел в дочь, поэтому не был «чином избавлен от ума», и немного поворчав для приличия: «дескать, ей всего двадцать, а в Москве, при нынешних его возможностях, можно найти жениха и поприличней», дал согласие на брак своей дочурки с бравым старлеем.

Со свадьбой тянуть не стали, ибо жениха ждало новое назначение в одну из частей ПриУРВо⁴. По настоянию новых родственников, свадьбу решили сыграть в Москве, а не в Реутове, где скромно жили родители жениха. Сыграв скороспелую и не шибко богатую на приглашенных гостей свадьбу, молодожены отбыли к новому месту службы. С ведомственным жильем в те времена было весьма и весьма туго. Министерству обороны было не до строительства военных городков, хоть бы удержать в эксплуатационном режиме ранее построенные и то ладно. Заботясь о благополучии новой ячейки общества, их родители, с обеих сторон, поохав и поахав, все же набрали денег на квартиру. Да не на жалкую однушку в старой хрущевке, а на вполне даже приличную трехкомнатную, в одной из новостроек Самары, по счастливой случайности расположенных невдалеке от местонахождения воинской части, в которой ему предстояло служить. Родители раскошелились с «дальним прицелом», рассчитывая в скором времени на пополнение молодой семьи. А вот с «прицелом» то как раз и вышла промашка...

Сперва все было как нельзя лучше. Молодые упивались друг другом, стараясь провести вместе каждую свободную минуту. Молодая жена деятельно и энергично принялась обустривать первое свое супружеское гнездышко, но ее энтузиазма хватило ненадолго. Привычки прежней столичной жизни никак не давали покоя молодой женщине. Решительно все ей не нравилось в «провинциальной глуши» как называла она Самару во все учащающихся истериках по поводу прерванного высшего образования и в результате невозможности проявить себя на новом месте (при этом для мужа так и осталось загадкой, что мешало ей оформить перевод в местный вуз). Не те магазины и кафе, не те скверы и дома, и даже люди по ее мнению не дотягивали до культурного уровня москвичей. Может быть все это неприятие и не устоялось в ней, как втайне надеялся Захар, если бы не постоянные обещания тестя о том, что как только зять получит звание капитана, так сразу же можно будет подумать о направлении в академию, а уж он, любимый тестюшка, в доску расшибется, но сумеет после окончания академии найти ему в столице подходящее место. Обещания, как это водится, падали в благодатную и каждый день взрыхляемую почву, вспаханную в мозгу дочери. Укореняться в излучине Волги, а уж тем более обзаводиться потомством абсолютно не укладывалось в планы молодой женщины. На подобие чеховских «сестер», слова: «В Москву! В Москву!» – все чаще и чаще срывались с ее губ. Напрасно Захар пытался отвлечь ее от этой пагубной с его точки зрения темы путем устройства своей дрожайшей половины в одну из фирмочек по распространению сотовой связи, расплодившиеся, как грибы после дождя. Оксана упорно, невзирая на неодобрительные взгляды и шушуканье бабушек, оккупировавших приподъездные лавочки, не желала заводить ребенка. «Видимо еще не настало мое время. Да и я еще молодая для этого дела. Может у меня еще

⁴ Приволжско-Уральский Военный Округ.

организм не сформировался?!» – не раз заявляла она на робкие недоумения мужа по поводу отсутствия признаков беременности. Служба Захара проходила ровно и без сбоев. Он заслуженно получал поощрения от начальства и неоднократно занимал со своим подразделением призовые места на очередных учениях. И когда долгожданное звание «капитанши» Оксаной, наконец-то было получено, разразился гром среди ясного неба... Но то ли тесть «наверху» перешел кому-то дорогу, то ли чем-то не потрафил вышестоящему руководству, а может быть просто подвел природный нюх, но его как говорится: «ушли по собственному». Для Оксаны это стало поистине крушением всех надежд и перспектив на то, чтобы перебраться в Москву. Муж, конечно, по-родственному переживал за тестя, но его «падение» не стало для него трагедией, да и значок академии не являлся для молодого капитана венцом мечтаний. Он был, вообще, человеком не слишком амбициозным. Честно тянул лямку, целыми сутками, а то и неделями пропадая в части и на полевых учениях. Домой приходил довольный и уставший, нисколько не помышляя, по мнению супруги, о карьерном росте. С этих пор, что-то надломилось в их отношениях. Жена стала какой-то холодной и отстраненной, подолгу задерживаясь на работе, что Захар отмечал, когда сам приходил со службы сравнительно вовремя. Она, молча, разогревала ужин на двоих, молча, поглощала свою порцию и так же молча мыла посуду. Общих тем для разговоров не было. Затем уходила в зал, и там усевшись в мягкое и с высокой спинкой кресло, поджав под себя красивые длинные ноги, начинала просмотр бесконечных сериалов, транслировавшихся по телеканалам в невероятном количестве. Так продолжалось до ночи. А ночью, по сравнению с тем, что было, еще казалось так недавно, тоже проходило все буднично и пресно. Была не любовь, было исполнение обряда. Она, тихонько охнув, пару раз обмякала под его телом, и он, освободившись от груза, старался побыстрее отползти на свою половину кровати. «Привыкнет. Стерпится. Отгадет» наивно полагал он. Флегматик по натуре, он еще невестимо сколько бы терпел данное положение вещей, если бы не одно «но».

Как-то раз, невзначай, роясь в прихожей на предмет поиска куда-то запропастившихся ключей от «Нивы-Шевроле», недорого купленной по случаю с рук (у жены тоже были права), он, на всякий случай решил заглянуть к жене в сумочку. Среди всевозможного женского хлама, к вящему своему удивлению, нашел кроме традиционной для большинства женщин «но-шпы», облатку незнакомых таблеток. Поднеся к глазам блестящую пластинку, с ужасом прочитал название новомодного противозачаточного средства, усиленно рекламируемого по телевидению. Вне себя от душившей его ярости, Захар ворвался в комнату жены:

– Как?! Как ты могла?! – буквально срываясь на крик, спросил он, грозно потрясая в воздухе зажатой в кулак пластинкой со снадобьем. Слезы бессильного бешенства и обиды готовы были вот-вот брызнуть из глаз. «Как?! Как она могла сама не желать своего, нашего ребенка?! А как же любовь?! Ложь! Все ложь!» Словно в горячечном бреду, рванул рубашку у горла. Две верхние пуговицы разлетелись мелкой шрапнелью по комнате. Такое с ним было впервые с момента их свадьбы. Его тело сотрясали волны конвульсий, грозной глыбой навис он над женой. Но она не стала оправдываться, как втайне надеялся Захар, а сузив до невозможности глаза, что тоже было признаком ее крайне возбужденного состояния, будто внезапно распрямившаяся после долгого сжатия пружина, перешла в контратаку:

– Ты!! Да кто ты такой?! Как ты смеешь мне вообще что-то предъявлять?! – не произносила, а выплевывала она слова, словно они были наполнены хиной. – Я! Я отдала тебе лучшие свои годы! Я для тебя пожертвовало всем! Учебой! Карьерой! – продолжала она, резко перехватив инициативу. – А ты! Что ты сделал хорошего для меня, кроме того, что притащил меня в эту дрякву, в которой по полчаса ждешь гребаное такси?! Даже в отпуск на море не могу себе позволить, уж про шубу вообще не заикаюсь, как пэтэушница бегаю зимой в куртешке! Я как жена декабриста за тобой! В Сибирь!...

– Ну... до Сибири, положим, далековато. – вставил он слегка подостыв.

– Да какая разница?! – не унималась она. – Пойми, ты, недалекий! У меня была п е р с п е к т и в а! – четко выделяя каждую букву последнего слова проговорила она. – А здесь что?! Сидеть и принимать с утра до вечера платежи в салоне связи?! А ведь я из-за тебя ушла с третьего курса филфака! Сейчас бы уже давно работала переводчиком в крупном издательстве. Все преподаватели говорили, что у меня талант к языкам. Или вообще за границей при посольстве.

– Ага! Так тебя и ждали в посольстве, – с сарказмом заметил он.

– Да вот, ждали! Уеду к родителям! Оставайся здесь и живи один со своими пушками.

– Ну да, в Москву! А куда же еще? Нужна ты им сейчас! Как же-с! А в особенности твоим братьями! Держи карман шире. Много вас таких развелось на столичную жилплощадь!

– Да если хочешь знать, ко мне еще тогда сынок банкира клеился! До сих пор не женат, между прочим! – осеклась на мгновение, но так как муж не среагировал на известие о неженатом сынке банкира, продолжила. – Мне и сейчас предложения всякие делают. А я, я... как последняя дура...

– А ты хотела быть первой?!

– Что первой?! – не поняла она.

– Хотела быть первой дурой? – уже откровенно и зло усмехнулся Захар.

Оксана поняла, что и так сболтнула лишнего, поэтому вовремя прикусила язык. Когда хотела, она вовремя могла пересилить свое женское начало и остановиться.

Захар понимал, что в чем-то она, безусловно, права и доля вины во всем случившемся лежит на нем тоже, но смириться с тем, что его как мальчишку водили за нос при этом лишая отцовского счастья, никак не мог.

– Ну вот что, – уже абсолютно спокойным голосом произнес он. – Слушай мою диспозицию! Эти таблетки я выбрасываю. И впредь, принимать что-либо подобное запрещаю. Ясно?! Если еще раз что замечу, бить не буду, не бойся. Просто У-Убью! – сказано это было тихим, но столь решительным тоном, что Оксана, заглянув мужу прямо в зрачки, почему-то сразу поверила – убьет. «Кто их знает, этих ветеранов чеченской? Все они шишики», – подумала она про себя, буркнув:

– Иди, в рот своей командуй, – отвернулась и как-то разом опустила плечи.

В этот вечер они больше не разговаривали. Ночью спали врозь. Эту тему они больше никогда не затрагивали, но Захар был почему-то уверен, что его обещание она приняла всерьез.

Жизнь опять потекла своим неспешным чередом, и уже месяца через три, после очередного молчаливого ужина, жена ровным и бесцветным голосом сообщила, убирая посуду со стола, что нужно уже начинать потихоньку приобретать детскую коляску, кроватку и прочие необходимые для этого случая вещи. В ответ на радостно-недоуменный взгляд мужа, так же без малейших эмоций, молча, выложила на стол экспресс-тест. Жарким солнечным днем среди стылой зимы осветилось лицо Захара. В порыве неистовой радости он вскочил, опрокидывая табурет, и подхватив жену на руки, закружил ее по маленькой кухне, как это бывало в первые, и ничем еще не омраченные месяцы их совместной жизни. Жена не смеялась и не пыталась, как раньше делать вид, будто хочет вырваться из объятий любимого. Она была холодна как древнегреческая статуя Пигмалиона. Поглядев на её, ничего не выражающее лицо снизу вверх, словно наткнувшись со всего маху на каменную преграду, осторожно опустил драгоценную ношу на пол. В это мгновение он понял, что ребенок, которого он так долго и с таким нетерпением ожидал, не будет в их маленькой семье желанным для всех...

Беременность жены протекала ровно и без видимых эксцессов, типа гастрономических «причуд» и резких смен в настроении, коими его пугали в разговорах обремененные потомством, а значит и более опытные в этом деле сослуживцы. Причудами Захара было не испугать, а к постоянно плохому настроению супруги он уже притерпелся и даже как-то ухитрился приспособиться, втайне все же надеясь на то, что уж ребенок, стоит ей только на него взглянуть, уж точно растопит холод в их семейных отношениях, и разбудит заложенные природой материн-

ские инстинкты. Он же, в свою очередь, постарается всячески этому поспособствовать. К чести Оксаны надо было сказать, что на протяжении всего срока она не изводила мужа ни дикими желаниями, ни вспышками беспричинной агрессии, как он опасался. Она будто смирилась вековой женской участью и не предпринимала никаких шагов тому, чтобы хоть в чем-то перечить мужу. Но отношения между ними от этого теплее не становились, оставаясь все такими же формальными. Первое «узи⁵», как это водится, ничего интересного не показало. Захар рассматривая снимок даже не смог ничего понять из того что на нем было изображено. Светло-темная рябь ничего ему не «говорила» ни о внутриутробном расположении плода, ни уж тем более о поле будущего ребенка. Зато второе «узи», сделанное еще через три месяца после первого и на которое он решил идти вместе женой, предварительно отпросившись у начальства, было куда более интересным, чем прежде. Хорошо видна была не только головка будущего ребенка, но и одна из ручек, тянущаяся ко рту. Можно было разглядеть даже пальчики. А вот вторая ручка была расположена так, что никак не давала разглядеть самое важное...

– Девка будет! – не терпящим возражений тоном заявила пожилая врач, делавшая процедуру.

– Почему вы так решили, ведь там ничего не было видно?! – с сомнением в голосе произнес Захар.

– Девка! Уж ты служивый помяни мое слово, – вновь произнесла она тоном, не терпящим возражений, а потом, снизойдя, все же пояснила, – Вишь, ладошкой прикрывается?! Только девки бывают такими стеснительными. А мужики всегда стараются свой срам наружу выставить.

«Ну что ж, – подумал он, – Девочка, тоже неплохо». Покосился на жену, но ее похоже мало интересовал этот вопрос. Получив заверения, что беременность протекает без эксцессов и получив необходимые наставления, недружная супружеская чета отбыла восвояси. По дороге домой хотел было в машине затеять шуточный спор по поводу будущего имени дочери, но Оксана, явно не собираясь поддерживать длительный диалог, решительно сказала, отвернувшись к боковому стеклу:

– Я уже все решила. Не трудись. Назову Инессой.

Горькой обидой резанули слова «я решила», «не трудись» и «назову», как будто у них и не семья больше, она мать-одиночка, а он так себе – просто мимо проходил. «Да, конечно, отношения больше чем непростые, но все же зачем она так со мной?!», – с болью подумал он. Однако вслух произнес:

– А почему Инессой?

Но ответа так и не дождался. Не удостоила. «И-нес-са. Инесса... Инесса-принцесса», – несколько раз повторив про себя как бы пробуя на вкус каждую букву имени. «Ну пусть будет Инесса. Чему я удивляюсь? Двадцать первый век на дворе. Сейчас модно стало давать детям экзотические имена. Спасибо, что хоть не Акулина и не Пульхерия какая-нибудь. А с другой стороны...? Куда ни взгляни – одни Лены да Наташи. Может оно и правильно, что будет Инессой?!», – и еще раз добавил, но уже вслух:

– Инесса.

Последние три месяца перед родами пролетели как один день. Третье и последнее «узи» внесло полную ясность в вопросе о половой принадлежности ребенка. Суматоху с необходимыми покупками в ожидании назначенной даты внесла нагрянувшая теща грозившая приехать ближе к родам. Вопреки расхожему мнению, будто бы любая теща должна быть непременно порождением чуть ли не самого дьявола, мать Оксаны была женщиной простой и отнюдь не стервозной. Несмотря на жизнь в столице, сохранила этакое провинциальное добродушие и не растеряла своих деревенских корней. Она по-своему любила Захара и понимала его труд-

⁵ Ультразвуковое исследование.

ности в отношениях со своей дочерью. «Ох, Захарушка и наплачешься еще ты с ней! И в кого она у нас такая вредная уродилась?!» – недоумевала она в свои нечастые приезды к молодым.

Оксане же прямо выговаривала: «Дура ты, дура! Нашла мужика золотого, так держись за него! А не фыркай по углам, как кошка худая! Что тебе еще не хватает?! Муж, дом, семья, работа... Не то что мы с твоим отцом с раскладушки и чемодана начинали, да по гарнизонам! Фильм-от глядела „Офицеры“?! Так-от и было». Так что Захар в полном праве мог считать Марию Степановну в немногочисленном стане своих верных союзников. Поэтому ее приезд никак его не огорчил, а даже наоборот вселил робкий лучик надежды на то, что бодрая и никогда не унывающая матрона сможет стать неким буфером в отношениях между ним и женой. В последний месяц перед родами, он стал еще более внимательным и заботливым, почасту звоня домой и справляясь о самочувствии жены. Теща обстоятельно и со знанием дела докладывала о всех перипетиях прошедших с момента его последнего звонка. Вечером, собравшись вместе за семейным столом шел обмен мнениями о предстоящих делах, о выполненных и запланированных работах. Мария Степановна хвасталась новыми приобретениями для приданого малышке. И они подолгу и со вкусом рассматривали то распашонки, то ползунки и пинетки, и прочую мелочь. Иногда в обсуждение удавалось втянуть совместными усилиями и Оксану. В эти минуты Захар чувствовал себя окрыленным и абсолютно счастливым. Несмотря на устоявшееся в общественном сознании мнения о том, что нельзя заранее покупать ни кроватку, ни коляску, супруги, по настоянию все той же неугомонной тещи, все же решились на данное приобретение. Оксана, правда, пробовала сопротивляться, планируя сократить необоснованные траты за счет покупки коляски в комиссионном магазине, но быстро сдалась под дружным напором с обеих сторон.

– Ты дочка, теперь про себя забудь. Всё. Нагулялась, поди?! Ты мать – без пяти минут! Сама должна понимать, что тратиться на себя будешь в последний черед, – заявляла Мария Степановна, значительно поднимая указательный палец вверх. С матерью спорить было бесполезно. Оксана это хорошо знала с самого детства и поэтому, пофыркивая потихоньку и нервно передергивая плечами, отступала.

Так или иначе, но к назначенному сроку все уже было готово. Оставалось только ждать, когда по велению природы, долгожданное дитя не начнет проситься наружу. Рожать решили в «Красном Кресте». Не испугала даже головокружительная дороговизна предстоящего мероприятия. Предлагаемое качество услуг и комфортабельные условия для матери и будущего ребенка перевесили все сомнения в правильности сделанного выбора. По предварительной договоренности, за несколько дней, чтобы не суетиться и не рисковать в ненужной спешке, специально-оборудованный реанимобиль забрал будущую роженицу со всем необходимым на все ее время пребывания в клинике.

Через два дня, утром, ближе к полудню, с бодрым криком, огласившим операционную, страна получила известие о появлении еще одной своей гражданки. Как то сложится ее судьба? Какое место займет она в жизни общества, и как при этом сложится ее собственная жизнь? Что ждет впереди? Какие печали и радости выпадут на ее долю?

О том, что схватки начались еще ночью, он узнал из телефонного звонка Марии Степановны, неотлучно находящейся рядом с дочерью. Чувствуя, что роды начнутся в ближайшие часы, она еще с вечера отбыла в клинику. Хотел было увязаться за ней, но теща со смехом отвергла его неуклюжие поползновения, заявив:

– Неча, тебе милоч, в наши бабские дела лезть. Уж как-нибудь сами управимся. Иди, Родине служи.

Неуклюжей гусыней вылезла в чуть подстывшую к вечеру лужицу и аккуратно закрыла за собой дверцу старенькой «Нивы». Она по своей натуре была бережливым человеком. По его настоятельной просьбе она ежечасно с крестьянской обстоятельностью докладывала о текущих событиях, пока ей самой не надоело это занятие – в последнем разговоре заявив, что больше

звонить не будет до «разрешения от бремени» или непредвиденной ситуации. Надо ли говорить, что Захар в эту, как ему показалось, самую длинную ночь в его жизни, ни на минуту не сомкнул глаз? Вернувшись, домой, полностью раздеваться ко сну не стал, так и просидел в кресле полуодетым в темноте. Утром, с красными от бессонницы глазами, наскоро умывшись и не разбирая вкуса подогретой на микроволновке еды, загодя и впрок наготовленной заботливой тещей, побежал на службу. На службе все время дергался и хватался за телефон, лежащий в нагрудном кармане в страхе, что пропустил звонок. И когда он, наконец, прозвонил, сообщая голосом изрядно умотавшейся тещи о благополучном исходе родов, весе и росте девочки, Захар, словно крылья обрел за спиной. Каждому встречному офицеру части безумно хотелось похвастаться так долго ожидаемым, и так неожиданно свалившимся на него счастье. Но встречные, видя сияющее лицо капитана, уже и сами догадывались, что к чему, лапидарно и весело вопрошая: «Ну?! Рост?! Вес?!» По их светящимся добродушием лиц, он понимал, что они искренне радуются вместе с ним и ему становилось от этого еще лучше. Он верил, что с приходом в этот мир дочери он обретает что-то гораздо большее, чем статус отцовства, он тем самым, обретет наконец-то смысл жизни.

Он хотел сразу ринуться в клинику, но Мария Степановна благоразумно отговорила его от этого поспешного шага. Она мотивировала свою точку зрения тем, что де Оксана спит вместе с дочерью и тревожить сон новоявленной мамы, никак не рекомендуется, да и ему, лишний раз лезть в глаза начальства, с просьбами отпустить со службы тоже негоже. А к вечеру, когда все более-менее успокоится, то и он сможет без хлопот подъехать и посмотреть на жену с ребенком если и не в палате, то уж в окне-то точно. Расспросив еще тещу о том, нет ли какой надобности в продуктах или вещах, выражая готовность достать все по первому требованию, Захар попросил передать Оксане все причитающиеся по этому поводу слова и отключил связь. Он на миг представил себе какой роскошный букет белых лилий (жена обожала эти цветы) он сегодня преподнесет своей Снежной Королеве, как иногда он называл про себя свою Оксану.

Вечером, купив свежих фруктов и громадный букет лилий, Захар направился в клинику. Он думал, что ему придется долго стоять у подножия здания, выискивая глазами знакомый силуэт в оконном проеме, но к своему вящему удивлению, ничего подобного не случилось. После минутной формальности в фойе, выдали халат, бахилы и снулого вида охранник przeprowadил его на второй этаж, где собственно и располагалось перинатальное отделение. Передав дежурной медсестре с рук на руки посетителя, охранник удалился, а молоденькая провожающая, выяснив к кому и в какую палату направляется новоявленный отец, решительно, как маленького мальчика, взяв его за руку, буквально потащила в искомое место. У палаты под номером «4» она резко остановилась, и заговорщическим тоном негромко сказала:

– Вы подождите меня тут, а я загляну и спрошу, могут ли вас принять.

На его недоуменный взгляд, быстро протараторила, все так же полупшепотом:

– Ну, знаете..., разные же бывают ситуации. И потом... вдруг она кормит малыша?

Не всем молодым мамашам нравится, когда их застают за этим делом. Я мигом.

Она тихонько приоткрыла дверь и ящеркой проскользнула внутрь палаты. Не прошло и полминуты, как из двери ни слова не говоря, вынырнула сестричка, а за ней следом показалась и Мария Степановна. Вид у тещи был одновременно радостный и растерянный. Он думал, что она проведет его в палату к роженице, но та, взяв его за руку, повела к окну в коридорном тупичке, чтобы не загоразивать проход.

– Девочка, вся в тебя! Крупненькая. Молчунья. Не плачет, кряхтит только. Ну да крупные они все такие. Это мелкота орет беспрестанно, а твоя хороша, – со знанием дела говорила теща.

– Марья Степановна, миленькая, а мне нельзя туда?! Я вот и бахилы одел и маску мне дали, – взмолился он, вытаскивая марлеву маску из кармана. – Я ненадолго, только погляжу и выйду.

– Ты погоди, соколик, насмотришься еще на все и на всех, – поджимая губы, тусклым голосом проговорила она непонятные для Захара слова.

– Так что, Мария Степановна, пройти то мне можно? – явно не «врубаясь» в ситуацию, канючил он.

– Говорю же тебе, сущеглупому, погоди, а ты опять свое талдычишь?! – уже начинала злиться теща. – Не в себе она! Понимаешь?! Не в себе!

– То есть как это не в себе?! – разинул рот от изумления Захар. – С ума, что ли сошла?!

– Да она и не была в нем николи! – парировала она его недоуменные вопросы.

– Как это?! Я не понимаю! Что произошло то, вы мне можете объяснить толком?! – все еще недоумевал он, в принципе, уже начиная догадываться, куда дует ветер.

– А так вот! – уже почти взорвалась теща. – Не хочет она никого видеть! И ее и тебя, в первую очередь! Еле вон уговорили ее вместях с акушеркой, чтоб хоть приложила к груди и дала первое кормление.

– Как же так!? – совсем уже поник головой Круглов.

– Врач сказала, что такое часто бывает у первородящих. Вроде как страх у ней самой перед ребеночком так проявляется, – пояснила со вздохом Мария Степановна, но по ее интонациям Захар понял, что она и сама не очень-то верит в эту версию. Эту догадку Круглова, она сама же и подтвердила через мгновение:

– А только не верю я во все это! Чтобы мать да убоялась собственного дитя?! Николи такого не было. Скаженная она у тебя, как есть скаженная! Хосподи! – приложила она щепоть ко лбу и размашисто наложила на себя крест. – Воззри и внемли! За что насылаешь на мя кары свои?! За какие прегрешения?!

– А я вот тут собрал кое-чего, – пропуская мимо ушей тещины взывания к Богу, тихо проговорил Захар. – Что теперь с этим делать?! Опять же, цветы... лилии... ее любимые.

– Давай сюда! – прервала она его душевные возлияния, не переставая креститься и шептать что-то укоризненно-неразборчивое. – Продукты возьму. А цветы?... Даже и не знаю, что с ними делать. Ну да ладно, возьму и их, чай мать-то родную не измордует ими.

– Выписывать-то когда обещали? – спросил он, наблюдая, как теща роется в сумке, бурча себе что-то под нос.

– Девонька крепенькая получилась, здоровенькая, – не поднимая головы от сумки, проскрипела Мария Степановна, – Ксюха твоя, тоже кобыла здоровая, прости Господи, врач сказала, что завтра еще понаблюдают, а уж послезавтра и выписывать можно.

Наконец оторвавшись от сумки, теща с укоризной спросила:

– А ты, что же Захарушка, съестного всякого наташил, а про банное забыл?

– Про какое еще банное?! – не понял тот.

– Про то, что я тебе давеча по телефону просила привезть! Мыльное, там, шильное...

– Ой, Мария Степановна, простите, из головы вылетело, забыл видно! А что, разве ее уже можно купать с обычным мылом и шампунем?! Я где-то читал...

– Читал он! – передразнила его теща. – Не об ней речь, а о женке твоей, непутевой! Ванну ей поди ж ты принять приспичило. Да и перед выпиской помыться надо будет. Ну, ин ладно. Я там, на первом этаже видела, продают всякое, схожу потом сама.

– Может, деньги нужны? – полез он в карман за кошельком.

– Не нать! Есть у меня, – отмахнулась она, забирая сумку и цветы. – Ты сам-то хоть поел чего? Я оставляла.

– Да, кивнул он, – спасибо. Я ел, не беспокойтесь.

– Ну ладно, коли так. Я позвоню, если надоба какая возникнет. Ну, давай иди. Вон вижу, круги под глазами, какие. Сам, умаялся.

На этом и расстались. Почти на ватных ногах спустился, забыв даже снять бахилы на выходе.

Через день состоялась выписка. Снова пришлось отпрашиваться у начальства. Впрочем, на начальство, Круглову было грех жаловаться. Бригадный начарт⁶, человек обстоятельный, сам отец троих сыновей, прекрасно понимал нужду и заботы своего подчиненного, поэтому всегда, если это напрямую не вредило службе, старался идти ему навстречу. В 11.00 в одном из вестибюлей перинатального центра Красного Креста состоялась выписка Инессы Захаровны Кругловой с матерью. Захар, как это и положено, чисто выбритый, в парадной форме, при лайковых перчатках, с букетом лилий наперевес ожидал выхода своей супруги с ребенком. Здесь же крутился и нанятый заранее фотограф, дабы увековечить это незабываемое мероприятие. Ровно в назначенное время, в вестибюль спустилась Оксана в сопровождении матери. Хмурое выражение ее лица на порядок поубавило его оптимизм от ожидаемой встречи. Сухо поздоровавшись и приняв от мужа букет цветов, Оксана демонстративно не стала целовать мужа и не дала это сделать ему, несмотря на настойчивые просьбы фотографа, матери и немногочисленного персонала центра, пришедшего на проводы. Неловкость напряженной атмосферы сняло только появление медсестры, спустившейся сверху и державшей на руках конверт с младенцем, перевязанный розовой лентой. Медсестра улыбаясь, передала драгоценный сверток отцу и Захар, с трепетным испугом взял первый раз на руки свою дочь. Все тут же бросились и окружили счастливого и немного смущенного отца, наперебой поздравляя того с началом по-настоящему семейной жизни. Оксана. Естественно не принимала в этом никакого участия. Стоя чуть в стороне, она с интересом разглядывала разрисованные «амурчиками» стены, делая вид, что это ее совершенно не касается. Захар прижимал обоими руками к себе крохотное тельце ребенка, чувствуя его теплоту даже через синтепон одеяла, не зная что делать дальше и как при этом положено себя вести. Положение спасла улыбчивая медсестра:

– Папаша! – воскликнула она. – Вы разве не хотите сами взглянуть на дочку?!

Тот только быстро-быстро закивал. Лицо девочки было прикрыто уголком, а он сам почему-то побоялся откинуть его из-за опасения. Что может при этом не удержать ребенка. Мария Степановка, которая стояла подле него, тотчас повернулась и бережно открыла взорам собравшихся, маленькое розовое личико. Неизвестно было, спит она или нет, так как Захар понятия не имел, когда груднички впервые начинают открывать глаза, но вот то, что она шевелит губками, как бы причмокивая, хорошо было ему видно. Со всех сторон слышались возгласы о том, что девочка – вылитый отец и к тому же раскрасавица, что еще больше добавляло краски в его лице. Сполна насладившись этим зрелищем, Захар заозирался, ища Оксану, но она по-прежнему не собиралась никак участвовать в торжествах. Тем временем. Теща ревниво накрыла лицо Инессы уголком, объясняя это скученностью народа препятствующего прохождению свежего воздуха. Пора было делать заключительное фото. Все выстроились в ряд. Оксану с каменным выражением лица поставили справа от Захара, все еще не выпускающего ребенка из рук, теща пристроилась слева, держа в руках лилии, предназначенные роженице. Наконец и с этим было покончено. Уже вчетвером они стали неспешно спускаться с высокого крыльца к машине Захара, стоявшей недалеко. Подойдя к машине, Захар хотел было передать дочь на руки матери, но та проигнорировала его протягивающий жест и уже залезла на заднее сиденье. Ребенка подхватили заботливые руки теперь уже бабушки – Марии Степановны. Он помог ей поудобней расположиться рядом с угрюмой супругой и закрыл дверь, стараясь не хлопать громко. Только сейчас до него начала робко доходить мысль о том, что полноценной матери у его дочери, похоже, не будет никогда. Эта мысль очень больно резанула его тогда. Боль хоть и была краткой, но у него от нее потемнело в глазах, что до этого с ним никогда не случалось прежде. Несколько секунд он сидел с закрытыми глазами, приходя в себя. Потом осторожно вставил ключ в замок зажигания. Ему еще только предстояло узнать. Что в их маленькой ячейке общества он будет не только отцом, но еще и матерью...

⁶ Начальник артиллерии.

II

Родив ребенка, Оксана посчитала для себя, что на этом ее обязанности перед семьей были выполнены, а значит пришло самое время уделить внимание себе самой. Заботясь о своей фигуре и появившихся после родов незначительных растяжках, она с головой ударилась в «психолого-физическую реабилитацию», как она это называла, без конца пропадая в косметических и массажных салонах города, благо, что с некоторых пор денежное довольствие мужа позволяло ей это делать. Все, что она теперь делала, так это нехотя несколько раз в день прикладывала малышку к груди и выдавала почерпнутую из интернета информацию по уходу за младенцами в качестве ценных руководящих указаний матери и мужу. Поменяв пару дней подгузники малышке, и поняв, что такая «грязная» работа полностью противоречит ее утонченной натуре, она ничтоже сумняшеся, доверила эту работу маменьке и мужу. Что уж там говорить про ежедневные купания и прочие гигиенические процедуры? Она их просто игнорировала. И так, всегда с боем встававшая к ребенку по ночам, она где-то вычитала, что это якобы непедигогично и постоянные ночные бдения воспитывают в ребенке чувство эгоизма. Теперь она категорически отказывалась это делать. В результате чего, мужу с бабушкой пришлось и эту функцию взять на себя, установив некое подобие графика дежурств. А тут еще, к вящей ее радости закончилось грудное молоко... Это только в нормальных семьях любящие супруги стараются делить домашние заботы пополам. Семья Кругловых к этой категории не относилась.

Уборки в доме, включая генеральные, проводил Захар совместно с бабушкой. Мама отказывалась принимать в них даже посильное участие, мотивируя свой отказ наличием проблем в позвоночнике, связанных с недавней беременностью. Оформление всех предварительных документов, связанных с рождением и регистрацией ребенка легли целиком и полностью на Захара. Снежная королева присоединилась к этой процедуре только в самом ее финале. Осваивать процедуры связанные с купанием. Переодеванием и сменой подгузников пришлось ему в срочном порядке осваивать при непосредственной помощи Марии Степановны. Днем, находясь на службе или бывая дежурным по части, он мог быть уверенным только в своей теще. Но никак не в жене. Домашнее вечернее и ночное дежурства почти полностью ложились на его тренированные армией плечи. Умаявшись с ребенком и домашними делами за день, Мария Степановна мало чем могла помочь своему зятю. Беганье по магазинам, а с недавнего времени и по молочным кухням, научили Захара до тонкостей разбираться в качестве детского питания и сортах молочных смесей, а также с первого взгляда отличать китайские подделки от всех остальных товаров детского мира. А ежедневные набегии на молочную кухню научили его дипломатии и искусству оболъщения неприступных сотрудниц данного предприятия с целью получения различных преференций. Без всяких там градусников, а лишь прикосновением губ к лобку малышки он мог с погрешностью до одной десятой градуса определить точно ее температуру. По одному ему ведомой интонации кряхтения дочки он мог определить «мокрая» или «грязная» опасность нависает над его лапушкой. Прогулки с коляской в выходные а также в вечернее время перед сном тоже входили в его исключительную обязанность. Составить ему в этом деле компанию, Оксана под разными предложениями отказывалась. И он научился, в конце концов, под сочувствующие взгляды бабушек сидящих у подъезда на лавочке, делать это вполне самостоятельно, корячась в одиночку с коляской у высокого и ничем не оборудованного крылечка. Не раз наблюдая, как Мария Степановна занимается приготовлением специальной еды для малышки. Он невольно и сам научился это делать, под не совсем одобрительные покачивания тещиной головы и ее невнятные бормотания по поводу немужского занятия. Так или иначе, но и эта мудрящая профессия стала одной из тех, которая была им освоена. Он любил учиться, несмотря ни на что. Всем был хорош молодой отец. Если бы где-то во Вселенной существовала бы планета, на которой бы жили исключительно

отцы с детьми младенческого возраста, то Круглов, несомненно, мог баллотироваться на пост президента такого государства. Именно такого мнения придерживалась Мария Степановна, к которой он и до этого испытывал чувства неложного уважения, а сейчас, когда общие заботы из-за нерадивого отношения Оксаны к своему ребенку сблизили их и это его уважение переросло в настоящую сыновнюю любовь.

Однажды, вернувшись из очередного похода в салон красоты, супруга, с твердостью в голосе, которая все чаще и чаще давала о себе знать по мере сдачи позиций противоположной стороной, заявила, что денег на жизнь катастрофически не хватает. Тех же «жалких копеек», коими «бестолковый и никчемный» муженек изредка соизволит наделять ее несчастную, выказывая тем самым свою «непомерную жадность», может хватить разве что на один обед в приличном заведении. А посему, несмотря на послеродовой отпуск, она принимает решение о досрочном выходе на работу, пока на подмены, а там дальше видно будет. Ступор, в котором пребывала оппонировавшая сторона, вызван был даже не тем тоном, коим все это было сказано, а та беспардонная ложь в произнесенных ею словах. Все присутствующие прекрасно знали, что все денежное довольствие, включая всякие там пайковые и за выслугу Захар приносил домой до копейки, не оставляя себе практически ничего. А устраивать заначки было не в его характере. Порой доходило до абсурда. Тривиальные носки, ежегодно преподносимые супругой на 23-е февраля, и служащие постоянным напоминанием с ее стороны о неустанной заботе внешним видом мужа, штопались им неоднократно и собственноручно, вместо того, чтобы украшать ими ближайший мусорный бак. Так она опять начала «пропадать» на работе. Неизвестно кого и каким образом она там подменяла, но тем не менее денежки в ее кошельке не переводились. Впрочем и тратила она их исключительно на себя, любимую. Устраивать слежки и скандалы по этому поводу. Круглов считал для себя делом неприличным. Он только ежилась и отмалчивался от ехидных вопросов своих сослуживцев и бабок у подъезда.

Видимо вконец потеряв остатки терпения, Мария Степановна, выбрав время, когда дочери не было дома, решила поговорить с зятем начистоту, приведя того на кухню и прикрыв за собой дверь, чтобы ненароком не разбудить ребенка, сладко и беззаботно посапывающего после кормления.

– Ты, Захарушка, как хочешь, а дольше такое продолжаться никак не может! – начала она практически без артподготовки.

– О чем это вы, Мария Степановна?! – без всякого энтузиазма в голосе спросил он.

– Вот ты только со мной-то не хитри! – всплеснула с досадой руками теща. – Уж меня-то старую на кривой козе не объедешь! Ты либо претворяешься, что ничегошеньки не видишь вокруг, либо и вправду дурачком заделался?!

– Я и правда не знаю куда вы клоните! – притворно удивился он, что, впрочем не скрылось от ее орлиного взора.

– Это я то, клоню?! – взвилась она до небес. – Это рога твою башку к земле клонят! От того и не видишь что на свете белом творится!

– С чего это вы взяли, мама?! Что вы такое говорите?! Она же ваша дочь...

– Потому и говорю, что дочь. Спасибо, Господу! Наградил халдой!

– Но с чего вы взяли-то?! Какие у вас доказательства?

– Доказательства ему подавай! Мимо подъезда уже и пройти нельзя, в глаза уже тычут все. Срам-то какой!?! Средь белого дня уже к самому подъезду на иномарке подвозят! Тьфу!

– Она говорила, что просто сослуживец довез. По дороге ему было, – попробовал он возразить неожиданно разбушевавшейся теще.

– Просто?! Сослуживец?! Ты рехнулся что ли?! Да почитай через день, этот сослуживец с ней подкатывает. А букеты цветов у ней тоже скажешь по дороге нашла?!

– Это благодарные посетители оставляют, – хватаясь за соломинку пролепетал он, как-то сразу съживаясь.

– Какие такие благодарные посетители?! Она тебе, что, актриска какая, чтоб ей без конца цветы дарили?! Эвон, я давеча, собралась в магазин, да в кошельке мало оказалось, чтоб не разуваться по сто раз и не проходить в комнату, дай, думаю, у доченьки позаимствую, сумка-то ее тоже там в прихожей стоит. Ну и сунулась к ней, значит. Достая кошелек, а тааам! Сто-рублевых от ассигнаций, в палец толщиной, напихано! Во-о! – в доказательство своих слов она продемонстрировала зятю средний палец. – Меня аж, как кипятком ошпарило с ног до головы!

– Может зарплата с премией? – сделал он последнюю отчаянную попытку оправдать жену.

– Да где же ты видал, чтобы простой оператор в каком-то салоне связи получал столько, да еще и с премией!? – неистовствовала баба Маша. – Уж мне-то такое не говори! Такие деньги за простые глазки не дают. А тебе, неужели сердце ничего не подсказывает?! Ведь не чурка же ты бесчувственная!

Захар молча опустил глаза в пол. Как умная и старая собака, сердцем он все понимал, что говорит ему теща, а вот сказать вразумительного ничего не мог.

– Ну что молчишь, потупив глазки?! – спросила она его, подсаживаясь за стол напротив. До этого она стояла над ним бетонным монолитом.

– И что вы, Мария Степановна, предлагаете? – глухо проронил он.

– А сам-то что думаешь?

– Вы хотите, чтобы мы развелись? – чужим для себя голосом спросил Захар.

– Развод от вас и так никуда не убежит, если все оставить как есть, – возразила она ему.

– А что тогда? – непонимающе вскинул он глаза на тещу.

– Только ты пойми меня правильно, – начала она издалека. – Я ведь и сама мать, троих вон подняла, почитай одна. Мой от только ночевать домой приходил, и то не всегда. Заливал за воротник почасту, да и погуливал по молодости, чего уж греха таить?! Молчала, терпела вот, навроче тебя. Времена, сам знаешь, какие были. За себя боялась, а за него пуще, чем за себя. Тогда – это тебе не сейчас, по партийной линии так бы взгрели, не то, что Москва, Сахалин бы раем показался. И ты ведь мне не чужой стал, Захарушка. Вон смотрю, как глаза-то у тебя запали, будто только что встал со смертного одра. Вчера вечером вернулся со службы, а китель от на тебе болтается ровно на вешалке какой!

– Что-то вы Мария Степановна ходите все вокруг да около, будто не решаетесь сказать главного? – заметил он ее нерешительность.

– А то и скажу, хоть Оксанка моя и стерва порядочная, а все ж таки своя кровиночка. Потому и слова эти мне особо тяжело тебе говорить...

– Да не тяните вы kota яйца, Мария Степановна! – уже начиная терять терпение, воскликнул Захар.

– Да ничего я не тяну, а совет пытаюсь тебе дать, какой мне видится с моей бабской колокольни.

– Ну, так и говорите же!

– Ну, так и говорю... Побил бы ты ее что ли...

Какой угодно мог себе представить Захар рецепт решения их семейной проблемы. Он думал. Что она предложит им какое-то время пожить врозь и без ее – тещиной помощи. Чтобы Оксана на своей шкуре почувствовала как тяжело одной без мужа воспитывать дочь. Или уж совсем радикальный рецепт: изменить ей демонстративно с кем-нибудь в отместку, но такое...

– Что?! – вскинул он брови. – Побить?! То есть как это побить?! Вы в своем уме?!

– В своем, милоч, в своем! – зачатила теща.

– Что-то я сомневаюсь в этом, – уже с интересом поглядывая на тещу, протянул он.

– А ты не сомневайся! Я же тебе не советую бить ее смертным боем! Упаси, Господи! А так, прилику ради, для науки. Не по костям, а по мясу. Это кости от битья ломаются. А мясо

от него только мягче делается, податливей, да нежней. А ей, толстомясой, никакого урону с этого не будет!

– Мария Степановна, вы меня извините, но так и хочется покрутить у виска пальцем. Что за домострой вы мне тут предлагаете?! Двадцать первый век на дворе!

– Ты это себе пальчиком то покрути, лось сохатый! – опять взбеленилась теща. – Предки то наши были чай не глупее нас с тобой! Знали, поди, с какой стороны лошадь запрягать. И знали, что наша сестра завсегда была слаба на передок, как и повелось с библейских времен. Это только дураки бьют своих женок, а умные – учат. Поучит такой вот, разок, повыбьет моль и тараканов у нее из головы и опять дальше живут, деток растут. Да не чужих, как нынче повелось, а своих. И жили душа в души всю жизнь и умирали вместе. А о разводах твоих и не думали николи, и сроду не знали что это такое. Так-то вот, зятек дорогой.

– Значит вы на полном серьезе предлагаете мне избить свою дочь?! Я правильно вас понял?! – глядя в упор на нее, произнес Круглов.

– Не избить, а сделать внушение! – выдерживая на себе его взгляд, и не отводя свой, значительно и с нажимом проговорила она, сложив у себя руки на животе. – Думаешь, мне самой легко произносить эти слова?! А только не ее мне жалко в первую очередь, а внученьку мою любимую, крохотулечку ненаглядную. Как она дальше будет меж вас двоих. Как меж двух огней? Ведь не сегодня, так завтра, все уже начнет понимать. И что тогда делать?

– Да я вас, в принципе, понимаю. Но что хотите со мной делайте, а поднять руку на мать своего ребенка я не смогу! Если б еще застучал на горячем, куда б еще ни шло, а так... – делая вялый отмахивающийся жест, произнес он.

– Ну, как знаешь. Я свое слово сказала. Вам жить. Смотрите сами. Только потом не говорите, что я вас не предупреждала, – сказала она, грузно поднимаясь с кухонного стула. – Конец все равно не за горами, тут и к бабке не ходи.

И опять потекло время. Ни мира в доме. Ни войны, а так, будто соседи по коммуналке, вынужденные встречаться друг с другом на кухне. Иногда, после очередного «рабочего загула» Оксана, чувствуя свою вину во всех семейных нестроениях, пыталась неуклюже ластиться поздними вечерами, и даже ночью изредка старалась изображать былую страсть. В эти часы Захар робко лелеял надежды о том, что может быть, все образуется, жена «перебесится» и все войдет в прежнее, уже порядком подзабытое русло. Но наступало утро и все начиналось заново. С каждым разом эти надежды становились все призрачней и призрачней, и в конце концов окончательно сошли на нет. Семью от окончательного распада удерживала только дочь, ну и еще немного теща. Невеселая история, в общем. А тут еще как на грех, позвонил шурин и в достаточно обидных словах попенял матери, на ее небрежное, по его мнению, отношение к остальным членам семьи, включая и его самого, у которого не так давно тоже родился ребенок. Да и отец, удрученный незаслуженной отставкой, требовал повышенного внимания, начиная все чаще и чаще заглядывать на дно стакана. Скрипя сердце, пришлось Марии Степановне признать, что в горьких словах сына имеется свой резон. Делать нечего. Пришлось собирать тещу в обратный путь. Это был один из тех редких случаев, когда зять отпускал загостившуюся у него тещу с такой неохотой и сожалением, как будто рвал какую-то струну, до этого крепко связывавшую его с этой вдруг ставшей родной женщиной. Провожая, зареванную, как девчонка, далеко не молодую женщину на вокзал, почему-то подумал, что больше уже не увидит ее никогда. Утирая слезы тыльной стороной ладони, та сквозь всхлипы пыталась уверить его, что как только позволят обстоятельства. Она ни на секунду не задержится там, а примчится невзирая ни на что, что разлука продлится недолго, от силы месяц-полтора. А он только вздыхал и поддакивал, держа в руках ее чемоданы. Дочь не пришла на вокзал, чтобы проводить мать. Якобы была срочно вызвана на работу. Отделалась эсэмэской: «Мамуля, пока-пока». Фирменный поезд «Жигули» уже тронувшись, вальяжно и не спеша, словно чеховский барин-помещик, выходящий на утреннюю прогулку из флигеля, начал набирать скорость, а Мария Сте-

пановна все стояла на подножке, выглядывая из-за массивного плеча проводницы, и махала, махала, махала рукой Захару.

Вернувшись домой, она по несколько раз в день, несмотря на дорогой роуминг, звонила, справляясь о самочувствии и делах оставшихся зятя и внучки, не интересуясь при этом дочерью. И каждый раз заканчивая разговор с зятем уверяла того в скором своем возвращении. Потом звонки стали реже, затем сократились до одного вечернего и однажды совсем прекратились. А спустя еще день, как гром среди ясного неба, пришло известие о скоростижной смерти Марии Степановны. Не выдержало сердце, оторвался тромб. Видимо. События последних месяцев фатально сказались на ее и без того не очень крепком здоровье. «Хоть не мучилась» – подумал машинально в этот миг Захар. Он чувствовал себя одним из главных виновников ее преждевременной смерти. А вот мученья Захара Круглова, только-только по настоящему начинались. После смерти матери, Оксанка, как сорвавшаяся после многомесячного сиденья на цепи сука, пустилась во все тяжкие. Сбросившая с себя, хоть как-то довлевший над собой авторитет матери, она решила выместить всю накопившуюся за это время злобу на неустроенную, по ее мнению, жизнь, на, ни в чем неповинного ребенка. И неудивительно. Ведь с кончиной матери, границы личной свободы для нее резко сузились. Мало того, что мать брала на себя весомую часть хлопот по поддержанию домашнего очага, так она еще и успевала возиться с внучкой, пока Захар проводил время на службе. Теперь поневоле приходилось целыми днями сидеть дома с так ненавидимым и навязанным ей ребенком. Она забывала, а скорее всего не хотела вовремя менять дочери памперсы, и той часто приходилось дожидаться отца. Результатом этого стали появляться опрелости и по нежной младенческой коже ребенка пошли раздражения, снять которые обычный детский крем уже не был в состоянии. Пришлось обращаться к врачу. Она никогда не брала ребенка на руки, за исключением случаев, когда это необходимо было для перекладывания с места на место. А ведь всем известно, что близкий тактильный контакт с матерью, в первые месяцы жизни, особенно важен для формирования устойчивой психики любого ребенка, а особенно девочки. Не играла с ней и не пела колыбельных песен. Все это за нее делал отец. И хотя он тоже не пел для Инессочки колыбельных, но зато неплохо знал песенный репертуар старых советских мультфильмов. Это и выручало всегда в критические моменты. Плавный переход с «рожкового» кормления на «ложечный» тоже принес с собой массу всяческих неприятностей. Не имея ни желания. Ни терпения в проведении такой сложной процедуры, Оксана торопливо совала ложку с едой в рот ребенка как лопату с углем в паровозную топку. В результате чего малышка просто захлебывалась и задыхалась. Конечно же, при этом невольно срыгивала. И конечно же на нерадивую маму. При этом, обрыганная и оттого еще более взбешенная мамаша не находила ничего лучшего для себя, как бить по лбу ребенка этой самой ложкой. Ребенок при этом начинал заливаться горячими слезами, не столько от боли, сколько от непонимания, за что его бьет эта женщина с постоянно злым лицом. И естественно оставался полуголодным. Однажды Захар неожиданно рано вернувшийся со службы домой стал свидетелем подобного происшествия. Разразился очередной (они теперь приобрели характер регулярности) скандал. Волевым решением, отстранив супругницу от столь важного дела, он спокойно завершил начатое кормление. Потому, как жадно и с аппетитом ест малышка, он понял, что не вмешайся он сейчас и она осталась бы голодной. Теперь он стал догадываться почему у него с ребенком никогда не возникало никаких проблем с едой. Девочке элементарно было не до капризов. Она просто хотела кушать. Справедливости ради стоит заметить, что все, что касалось детских прививок, жена неукоснительно соблюдала все предписания педиатра. Правда, неизвестно, что было тому причиной, то ли боязнь супруги за жизнь дочери, в смерти которой ее могут обвинить, в случае заболевания, то ли получить ярлык «нерадивого попечителя» от органов опеки со всеми вытекающими отсюда последствиями для своей репутации.

Насколько Захару не повезло с женой, настолько ему повезло с дочерью. С самого своего рождения она ничего не взяла от своей матери. Ни обликом, ни характером она ничуть на нее не походила. Родившись довольно крупненькой – около 60 сантиметров, она, как и все «богатыри» проявила свой характер в том, что была тихим и спокойным ребенком. Она очень редко плакала, а если и плакала когда, то очень тихо. Почти никогда не устраивала демонстративных истерик, проявляя завидную рассудительность и уравновешенность характера. Удивительно, но проявляя несвойственную для грудных младенцев деликатность, перед тем как «надеть делов» она заранее начинала тихонько покряхтывать, а не после, как это обычно бывает. Практически не нуждалась в соске, так как вывести ее из равновесия можно было только приложив немалые усилия. Бабушка поначалу очень беспокоилась по этому поводу, резонно опасаясь за психическое состояние внучки. Но детский врач, осмотрев как следует ребенка, а затем взглянув на отца, вынесла по поводу «тормознутости» девочки свой вердикт: «Что же вы хотите?! Папина дочка. Вся в отца!» Надо было при этом видеть широко улыбающееся лицо донельзя довольного папаши. Говорят, что младенцы в начале своей жизни будто бы боятся облика своих отцов. Случай с Инессой напроочь опровергал эти домыслы. При виде отца она всегда начинала ему улыбаться и протягивать ручонки. В эти мгновенья ее большие серые, как у папы, глаза лучились безграничной нежностью и абсолютным доверием. А в редкие минуты, когда ее по-настоящему что-то раздражало, она моментально успокаивалась, стоило ему только склониться и прикоснуться к ней. Засыпать она тоже предпочитала исключительно в мужских объятиях. А уж когда, папа взяв на руки свое бесценное сокровище и прохаживаясь по комнатам напевал, готовя дочь ко сну, песенки, помнившиеся ему с детства, пределу счастья для нее кажется и не было. Этот факт неимоверно злил Оксану, и она несправедливо обвиняла своего мужа в том, что он настраивает дочь против нее. Бабушку она тоже любила, но все-таки не так как отца. Она была с ней послушна, спокойна, но как-то обыденно и тускловато. Бабушка это замечала, и слегка обиженно поджимая губы, негромко ворчала про себя: «Вот уж уродилось чадушко! Папин хвостик!» В еде Инесса также была неприспособлена, поэтому резкий переход от грудного вскармливания к искусственному прошел для нее без особых сбоев и потрясений. В общем, наперекор всему получился не ребенок, а сплошное чудо. И только умудренная жизненным опытом Мария Степановна, нет-нет, да вздыхала горько: «Охохонюшки... Эх и трудно же ей будет потом найти для себя жениха». На недоуменный вопрос Захара о причине предполагаемой трудности, охотно отвечала: «Девки, они ведь завсегда в женихи стараются подобрать такого, который будет на отца походить. А где же ей сыскать еще одного такого же ангела?!» «Ангела...» – словно эхом отозвался внутренний голос Захара.

От людских глаз ничего не укроешь, поэтому сослуживцы и начальство Захара, так или иначе, но были в целом в курсе его домашних перипетий и, как могли старались войти в его сложное семейное положение, часто идя ему навстречу, но все равно нужно было искать какой-то, более или менее, приемлемый выход из сложившейся крайне нездоровой обстановки. Захар всем нутром своим чуял, как петля семейно-бытовой безысходности все туже и туже затягивается на его шее. Мама Захара – Ольга Валентиновна, тоже ничем помочь в этой ситуации не могла, потому как будучи еще не старой продолжала трудиться на одном из оборонных заводов Реутова, потому что надо было помогать дочери поднимать двоих близняшек, отец которых едва дождавшись, когда им исполнится год, смотал удочки куда-то на Север, да там и пропал. Единственное, чем мать могла и всегда охотно это делала, так это консультировать сына по тем или иным бытовым и воспитательным вопросам. Сестра тоже иногда звонила и делилась своим опытом. И еще выручали посылки с плодами, собранными на приусадебном участке, частые и щедрые, собранные заботливой материнской рукой. Выход из сложившейся ситуации был один, и он лежал на поверхности. Необходимо было дожидаться, когда девочке исполнится полтора года, чтобы можно было ее оформить в ясли-сад. Оставалось еще почти полгода. Можно было бы на это время попробовать нанять няню, но как это воспримет дочь? И как воспримет

нахождение в доме посторонней женщины супруга? Над этим стоило еще хорошенько подумать.

С этими невеселыми думами он и сидел весенним прохладным вечером на скамеечке возле детской песочницы, мерно покачивая коляску в которой сидела тепло одетая дочка. За этим занятием его и застала черная с рыжими подпалинами довольно крупная собака – помесь овчарки и дворняги. Она почти неслышно подошла откуда-то сзади и протянув лапу для пожатия Захаром, уселась на задние лапы рядом с коляской, помахивая по асфальту своим в рыжих ломах хвостом. Он сразу узнал ее. Это была всеобщая любимица дворовых ребятишек собака по кличке Фуфайка. Печальную, но вместе с тем обычную историю жизни Фуфайки знал весь двор. Когда-то у нее были хозяева, и она носила совсем другую кличку, о которой сейчас уже никто и не вспомнит. Она жила в одной из квартир многоэтажки, что стояла во дворе. Какие отношения у нее были со своими хозяевами, история умалчивает, а только когда они решили поменять свое прежнее местожительство на новое, то решили собаку с собой не брать. Опасаясь, что собака может увязаться за ними они не нашли ничего лучшего для себя, как запереть ее в квартире с небольшим запасом сухого корма в надежде, что новые хозяева, купившие это жилье, в скорости отопрут двери и выпустят ее на волю. Новые хозяева не торопились с переездом. Три дня и три ночи проскулило несчастное животное, пока соседи измучившиеся от непрекращающегося ни днем ни ночью воя, сами злые как собаки не вызвали участкового и эмчезовцев, для взлома дверей. Когда двери, наконец, взломали, взору свидетелей предстало измученное и истощенное животное с капельками засохших слез в уголках карих глаз. Вскрытый пакетик с сухим кормом был нетронут. Шаркающей старческой походкой, хотя она была еще молодая и полная сил, пригорбясь и раскачиваясь от голода на ходу, она кое-как выбралась из подъезда наружу. По мнению Захара, все собаки произошли либо от шакалов, либо от волков. Те собаки, что имеют своими предками шакалов, за тарелку жидкого супчика с костью, готовы день и ночь лизать хозяину пятки, терпя от него побои и прочие несправедливости, рассуждая про себя, что от добра – добра не ищут, а потому следует примириться с действительностью и не высовываться со своим мнением. А те собаки, что произошли от волков, с достоинством принимая пищу из рук хозяина платят ему честной и преданной дружбой, но не прощают оскорбления своей чести. В роду у Фуфайки, явно присутствовала волчья порода. Она не ринулась на безуспешные поиски предавших ее хозяев. Она осталась жить здесь, в месте, где провела свои первые годы жизни, где ей был знаком каждый уголок и запах каждого, кто проживал в этом большом дворе. Все те, кто знал ее и историю ее злоключений всегда старались чем-то помочь. Жители двора подкармливали собаку кто чем мог – остатками от обеда, косточками, на которых еще можно было разглядеть остатки мяса, да и просто зачерствевшим хлебом, который жалко было выбрасывать. Добрейшее существо, она очень любила детей, и поэтому всегда играла с ними во дворе. Она позволяла им вытворять с собой все что угодно, прощая даже таскание за хвост. Даже бабки, вечно сидящие на приподъездных лавках, целыми днями осуждающие все и вся, не задевали ее своими пересудами, считая Фуфайку неотъемлемой составляющей дворового общества. Никогда никого не укусившая, и даже не облаявшая, если ее уж сильно доставали детские, не всегда добрые проказы, она только жалобно поскуливала. Но это случалось чрезвычайно редко. Дети всей душой любили ее и тоже изо всех сил старались подкормить, принося ей, то кусочек колбаски, то какую-нибудь сосиску, а то и вовсе котлету, украденную со стола. А когда та, неожиданно для всех, вдруг в первый раз разродилась, принесла в помете нескольких таких же, как она сама, черненьких щенков, то при деятельном участии нескольких доброхотов, и при всеобщем одобрении жителей двора, для нее, из кем-то выброшенного на помойку громадного старинного шкафа, была сооружена вполне приличная и достаточно просторная будка. Чтобы дождь и снег не повредили старинному дереву, будку обложили кусками оставшегося от недавнего ремонта крыши рубероида. Впрочем, на зиму Фуфайка перебиралась со щенками в подвал дома, где прожи-

вал Захар, двери в который никогда не закрывались на ключ, по просьбе жителей. Там, среди труб с горячим отоплением в сухости и тепле они и проживали до самой весны. По всем собачьим меркам жизнь Фуфайки и ее семейства, если и нельзя было назвать слишком шикарной, то вполне сносной – безусловно. Захару тоже очень нравилось это добродушное и при всем при этом очень деликатное существо. Он и сам нет-нет, да подкармливал и ее саму и щенков, таких же добродушных, как и она сама, всегда крутившихся рядом со своей матерью, поэтому без всяких натяжек считавшим себя ее приятелем, с чем и сама Фуфайка была полностью согласна. Сам Захар долго недоумевал по поводу более чем странной клички собаки, спрашивая знакомых ребяташек, с чем это может быть связано, но те лишь пожимали плечами. Такие вопросы обычно не посещают детские головки дошкольного возраста. Дети, как не раз отмечал про себя Круглов, предпочитают не заморачиваться по таким незначительным с их точки зрения поводам. Но так как Захар был человеком по натуре своей любопытным, то в конце концов он разгадал тайну происхождения ее прозвища. Тайна оказалась до банальности простой. Молодые мамочки, еще не знавшие собаку как следует, выводя на прогулку своих маленьких детей, опасаясь, что большая собака, находящаяся рядом может как-то испугать или того хуже, искушать ребенка, всегда покрикивали на нее: «Фу, фу, отойди отсюда». Так, по мнению Захара, родился первый слог ее нового имени. Дети же, что постарше, играя с собакой, часто кричали: «Фас! Взять его! Фас!». Конечно же собака никого не кусала несмотря на неразумные призывы расшалившейся детворы, но это обстоятельство никак умаляло их энтузиазма и возгласы «фас» сквозь визг и смех детей продолжались. Вот он и второй слог нашелся. Кому-то из ребяташек пришло в голову объединить два слога. А кто-то из взрослых, услышав странное буквосочетание, ради смеха добавил концовку. Получилась ФуФайка. Дети в подавляющем большинстве не знали что это такое, но с радостью его восприняли. Ибо непреложная истина гласит: чем нелепей название, тем оно прилипчивей. Так и пошло. Собаченция тоже не возражала против нового имени, и уже спустя короткое время стала отзываться на него. Захар вправду был гордиться своими дедуктивными способностями.

Услышав, как Инесса ворочается там у себя в коляске, Фуфайка встала на задние ноги и положив передние на край коляски сунула свой любопытный мокрый нос внутрь, где в полусидячем положении находилась дочь. Захар при этом негромко, но твердо пристрожил собаку:

– Только, чур, не лизаться в лицо! А то прогоню.

Захар был уверен, что Фуфайка отлично поняла его предостережение. Меж тем глаза маленькой девочки встретились с собачьими и вдруг распахнулись во всю ширь от неожиданности. Она никогда до этого не видела собак. Вся ее недолгая жизнь была наполнена совсем другими образами, совсем непохожими на этот. Она уже умела управлять мимикой лица. Могла улыбаться, если это было лицо папы, хмуриться, если видела материн облик, хитренько щуриться при виде бабушки и принимать безразличный вид при лицезрении посторонних. Теперь же она находилось в явном тупике, не зная как реагировать на неожиданного гостя. Страх в глазах ребенка не было. Чего ей ждать от этого лохматого с незнакомым запахом посетителя? Ища поддержки своим раздумьям на стороне, она поискала глазами отца, с которым привыкла немо советоваться в различных жизненных обстоятельствах. Отец находился рядом – это успокаивало. Отец улыбался, значит, ничего плохого не будет, и можно тоже улыбнуться непрощенному, но чрезвычайно интересному гостю. Собачий нос вплотную приблизился к ребенку. Девочка протянула к собачьей морде свою маленькую ручку. Язык Фуфайки на миг коснулся ее ладошки. Девочка тут же захихикала. Ей было щекотно. Она поняла – это не враг, и уже облапив обоими ручонками лохматую морду засмеялась откровенно и радостно. Рядом сидел счастливый и гордый за свою смелую дочку отец и тоже улыбался, забыв на краткий миг обо всех своих заботах и невзгодах. Так началась дружба между маленькой девочкой и большой собакой, против которой отец девочки не имел никаких возражений, вполне обос-

нованно считая, что контакт с животным миром гармонизирует развитие ребенка и привьет ему много полезных черт характера.

Худо-бедно, но как-то выкрутились эти полгода. Сначала приехала мать, взявшая на работе отпуск. Затем на смену ей прибыла сестра с двумя очаровательными мальчиками близняшками. И просторная квартира, к радости Захара и Инессы и явному неудовольствию Оксаны, на несколько месяцев наполнилась веселым детским гамом. Впрочем, супруга и здесь нашла свою выгоду, почти сразу же уехав в Москву, по якобы наследственным делам и пропала там почти два месяца, чем несколько не огорчила ни дочь, ни мужа. А там и подоспело время оформлять дочку в ясли. Можно мыло на этом слегка перевести дух. Ясли Инесса тоже восприняла спокойно и с достоинством, не устраивая сцен и как будто все понимая. Захару даже показалось, что она вовсе не против нахождения там, среди сверстников. Это несколько разрядило крайне нервную обстановку в доме, так как давало Оксане больше свободного времени для своих личных дел, в которые Захар предпочитал не соваться. Она по-прежнему ревновала дочь к отцу, но упорно ничего не желала предпринимать, для того, чтобы хоть как-то исправить ситуацию. Кажущееся спокойствие в доме Круглова вроде бы воцарилось, но стена отчуждения между его женщинами только еще больше возматывалась, превратившись для обеих сторон в неприступный бастион.

Все бы ничего, человек может приспособиться жить и в гораздо более худших условиях, а только с некоторых пор, стал Захар замечать в своей супруге и нечто новенькое. Сначала в доме стали появляться брошюры с туманными названиями и невнятным текстом, но явно религиозного содержания. Со временем брошюр становилось все больше и больше. Они уже занимали не одну полку на стеллаже, а почти целый шкаф. Книги, которые ранее находились на этом месте, включая Большую Советскую Энциклопедию и Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, как-то незаметно перекочевали на антресоли. А место, где всегда висел подаренный им на свадьбу натюрморт, заняло большое деревянное распятие. Затем в квартире стали появляться журналы под названием «Башня Стражи»⁷. Захар, несмотря на свое «солдафонство» был достаточно образован, чтобы не знать, что это за журналы и кто их печатает. Это ему сильно не понравилось. А затем в квартиру стали захаживать, правда, ненадолго, женщины неопределенного возраста с мышеобразными лицами и бегающими по сторонам маленькими злыми глазками, постоянно о чем-то пришепывающие и оглядывающиеся, как будто что украли. «Постылые шептуньи» – так называл он их. Но с другой стороны, жена перестала задерживаться на работе, стала гораздо строже одеваться и перестала злоупотреблять косметикой, а главное чему втайне Захар радовался больше всего, так это то, что прекратились эти постоянные подвозы на иномарках с букетами цветов. Правда она начала куда-то пропадать по субботам до позднего вечера, а возвращаясь, была какой-то потерянной и погруженной в неведомые мысли. На вопросы о том, где она пропадает каждую субботу до вечера, Оксана не отвечала, строго поджимая губы. В конце концов выяснилось куда она бежит по субботам, после того как она сама однажды пригласила его пойти с ней, договорившись оставить дочку на то время с одной соседской бабушкой. Захар не удивился, когда жена привела его в один из частных домов, окруженных высоким и глухим забором. Он и раньше догадывался о существовании такого дома, а теперь его догадка получила свое подтверждение. Это был так называемый «молитвенный дом». Захар, аж сплюнул с досады. Уже через час, не выдержав монотонного бубнежа, выскочил оттуда, как ошпаренный. А на жену махнул рукой: ну ее к бесам, дурищу.

Абсолютным счастьем для обоих стало непродолжительное время, когда Оксана движимая маниакальной тоской по столице, укатила туда в очередной свой отпуск. Оказалось, что этим двоим, для полного счастья не надо было слишком многого, всего то, чтобы никого

⁷ Журнал секты Свидетелей Иеговы. (деятельность секты запрещена на территории РФ. Прим. автора)

из посторонних и непосвященных в их любовь. Их отношения не омрачало даже то, что иногда, из садика ему приходилось забирать дочь с большим опозданием, и девочка терпеливо дожидалась его, находясь в обществе пожилой сторожихи. Дома же, маленькая хозяйка, всячески старалась помогать отцу в меру своего детского сознания и уже полученных первых жизненных навыков. Она старательно, во всяком случае, как ей самой это казалось, орудовала веником, подметая полы, что-то там пыталась стирать, налив самостоятельно в тазик воды, помогала на кухне, больше путаясь под ногами. Она, казалось, готова была часами сидеть тихо, не шевелясь, с восторгом и обожанием смотря на него и слушая, как он читает ей сказки. От ее немого обожания ему порой становилось даже как-то неловко. Укладываться же спать на ночь желала исключительно в папиной кровати, обнимая того за шею и уткнув свой носик в его плечо. А он после того как она уснет, осторожно, чтобы не разбудить перекладывал свое сокровище в ее кроватку. Захар знал, что поступает крайне непедagogично, но ничего не мог с собой поделать. Рос его авторитет в глазах дочери. Рос его авторитет и в глазах окружающих. Молодые мамы во дворе, привыкнув видеть его все время в компании хорошо и опрятно одетой девочки, уже начинали консультироваться у него по тем или иным вопросам детского воспитания и он, нисколько не смущаясь, охотно давал такие консультации. Даже бабки, сидящие у подъезда, раньше отпускавшие в его адрес ехидные замечания и донимая неудобными вопросами, стали куда более уважительно смотреть в его сторону, нередко приглашая присесть рядом с ними и отдохнуть. Это была вершина признания его педагогических талантов.

Шло время. Инесса росла не по дням, а по часам, превращаясь в хорошенькую девочку с очень крупными серыми глазами и постоянно не по-детски серьезным выражением лица. Хорошо развитая умственно и физически, чему способствовало постоянные занятия с отцом, она уже в три года довольно бегло читала все, что было написано печатными буквами, хорошо считала до ста и немного освоила основные арифметические действия, могла подтянуться на турнике десять раз, являя собой пример органично развитой личности. Она как и все дети в ее возрасте играла с ребятами в саду и у себя во дворе, была вежлива со взрослыми, никогда и никому не отказывала в просьбах о помощи и не грубила, никогда не ябедничала ни на кого, но при случае могла постоять за себя и за более младших. Зная почти все матерные слова, которым научилась невольно в садике, никогда их не употребляла, зная, что папе это не понравится. Она не была угрюмой букой, просто ее маленький жизненный опыт подсказывал ей, что не стоит распахивать свою душу перед каждым встречным-поперечным, а уж доверять в этом жестоком и беспокойном мире можно только одному человеку на свете, и у этого человека было имя «папа». Именно в силу этих обстоятельств она очень трудно сходилась на коротке с кем-нибудь, имея в подружках всего пару соседских девчонок сверстниц и собаку с нелепой кличкой «Фуфайка», в которой поистине души не чаяла. Инесса не напрасно пользовалась отцовской любовью и служила предметом его постоянной гордости. Девочка была очень искренней и правдивой, но правду говорила, как оказалось не всю, и не всегда...

Как-то раз, вернувшись после полевых учений, забирая в очередной раз Инессу из садика, он обратил на себя внимание пожилой воспитательницы. Она подошла к нему и потянув за рукав отвела в сторонку, пока Инесса возилась с упрямыми шнурками, которые ни в какую не желали завязываться. В отличие от молодых воспитательниц, она помнила наизусть имена и отчества всех родителей детей ее группы:

– Захар Ильич, голубчик, вы обратили внимание на синяки, которые присутствуют на коленях вашей дочери?

– Да, Клавдия Тихоновна, обратил, – подтвердил он.

– И что вы думаете по этому поводу?

– Я спрашивал у дочери буквально вчера. Она сказала, что упала.

– Да?! И где же?

– Говорит, что во дворе. Бегали с другими девочками наперегонки и упала. А что?

– Видите ли, молодой человек, – она сняла с носа большие очки в роговой оправе и в задумчивости стала складывать и раскладывать дужки, – я занимаюсь детьми уже более тридцати лет, поэтому уж поверьте моему опыту, это никак не связано с падением. Если бы это было простое падение, то оно бы непременно сопровождалось ссадинами и царапинами, как это обычно бывает. А здесь, как вы сами можете убедиться сплошной кровоподтек синюшного цвета, но без кожных повреждений.

– А что это тогда, по-вашему? – уже с ноткой страха спросил он.

– Не знаю, – пожалала она плечами. – Мне она сказала то же самое.

– Честно говоря, я привык доверять словам своей дочери, – уже чуть более холодно сказал Захар.

– Я тоже уже хорошо знаю вашу дочь. Но мне кажется, что это не тот случай.

– Что вы имеете в виду? – продолжал недоумевать он.

– Ничего. Просто советую поговорить с ней начистоту. А если не поможет, то пронаблюдать за ней.

– Вы предлагаете мне шпионить за собственной дочерью?!

– Не шпионить, а понаблюдать. Согласитесь, что это разные вещи. Кстати, а почему я так редко вижу ее маму?

– Почему «кстати»?! Она вчера забирала и позавчера тоже, – опешил он. Потом взяв ситуацию под контроль, уже несколько извиняющимся голосом добавил. – У нашей мамы очень сложный график работы.

По дороге домой, он все время пытался разговорить дочь по поводу обнаруженных синяков. Но так ничего и не добился. Инесса была неприступна, как сейф швейцарского банка. Расспросы жены тоже не дали никаких результатов. Инцидент постепенно начал забываться, перейдя в разряд «очевидного, но невероятного». Через непродолжительное время их бригаду опять подняли по тревоге и марш-броском отправили в степь под Оренбургом, где должны были состояться общевойсковые учения под командованием чуть ли не самого Иванова, который иногда любил себя поразвлечь подобным масштабным зрелищем. Но что-то там, как обычно не срослось в верхах, и учения пришлось свернуть раньше планируемого срока. Безумно соскучившись по дочери, Захар летел домой как на крыльях. Была суббота, поэтому в садик за ней идти было не нужно. Бегло оглядев двор и не найдя там дочери стал подниматься домой. Он хотел сделать сюрприз и появиться дома неожиданно. Тихонько вставив ключ в замочную скважину, открыл дверь. Еще из прихожей услышал какой-то унылый речитатив жены и вторящий ему детский надрывный голосок. Поставив тихонько «тревожный» чемодан на пол, Захар осторожно выглянул из-за дверного косяка. От увиденного его глаза моментально полезли на лоб. На стуле, спиной к нему сидела Оксана и монотонным голосом с остановками читала какую-то религиозную белиберду из раскрытого журнала, который держала на вытянутых вперед руках. А рядом с ней, стоя на коленях, Инесса повторяла за матерью ее слова. Недолго думая, Захар коршуном ринулся к дочери, чтобы поднять ее с колен. И только подскочив вплотную, понял, что она не просто так стояла на коленях перед распятием. На полу лежала картонка размером примерно с альбомный лист, на которой густым слоем была насыпана гречневая крупа. Именно на крупе своими коленями и стояла его дочь. Подхватив ее под локотки, поставил на ноги. Ноги у ребенка дрожали. Кинув взгляд на дрожащие коленки ребенка, Захар на секунду впал в ступор. Крупа была буквально вдавлена в кожу Инессы. А ее острые грани, как десятки мелких гвоздей впившись своими кончиками, оставили не просто отпечатки на коленках, а превратили их в кровавое месиво. Мелкие, как бисер капельки крови, кое-где уже подсохшие, видно она уже долго стояла на коленях, покрывала собой почти всю поверхность истерзанных коленей. Только завидев своего любимого папку, дочка, наконец, решила заплакать, давая волю накопившимся чувствам боли, обиды и счастья от его появления. До этого, она судя по всему, как-то крепилась, вынося на себе невероятные страдания.

ЯРОСТЬ. Ярость от увиденного ужаса мгновенно бросилась ему в голову и затопила собой мозг. Подскочив к испуганно таращейся супруге, до которой начинал доходить ужас содеянного, он, обхватив ее плечи начал трясти супругу как спелую сливу, крича и брызгая ей в лицо слюнями:

– Тварь! Тварь! Тварь! Я убью тебя, паскуда! Придушу, а башку твою поганую в мусорное ведро брошу!

Голова Оксаны от такой невероятной тряски болталась, как привязанная на веревочке, из стороны в сторону. Казалось еще один миг, и она просто отвалится, откатившись куда-нибудь под диван. Она вопила во все горло, противно и с привизгом бензопилы, пытаясь вырваться из рук Захара. Но не тут-то было. Из стального захвата рук, привыкшего банить⁸ стволы своих «гвоздик»⁹ майора вырваться было невозможно. Клещи его пальцев, с неумолимостью подбирались к ее горлу. Оксана уже начала хрипеть, беспорядочно размахивая руками. Лицо Захара было страшным. В эти мгновенья из него выплескивались вся боль и горечь, которые он претерпевал все эти годы. А смешавшись с яростью, брызжущей из его глаз трансформировались в смертный приговор для жены. Зрелище было настолько ужасным и непривычным, что Инесса, перестав давиться своими слезами с распахнутыми в крайнем изумлении глазами, молча смотрела, засунув в рот кулачок, как папа первый раз в жизни поднимает на маму руку. Очнувшись от оцепенения девочка, несмотря на свои раны, резво подбежала к сцепившимся родителям и дергая отца за штанину изо всех своих сил закричала:

– Папа! Папа! Не надо! Папа! Папа! Оставь ее!

Слова дочери достигли его сознания и он с силой отшвырнул жену на диван, под распятие, с которого молча и скорбно взирал на произошедшее, склонив голову, древний мученик. Задирая сверху ноги, Оксана рухнула на диван, размазывая слезы, вперемешку с соплями. Круглов склонился над поверженной супругой, все еще шипя от неостывшей ярости:

– Ты помнишь, тварь, что я уже обещал тебя убить?! Так вот, посмотри, – он, не оборачиваясь, махнул рукой позади себя, – кому ты обязана за спасение своей поганой и никчемной жизни!

После этого выпрямился и подхватив на руки Инессу скорым шагом направился в ванную. А Оксана осталась сидеть на диване, тихонько всхлипывая и туго доходя своим умишком до мысли о том, что вспышкой своей ярости, Захар, кажется, спас ее от больших неприятностей. Захар тем временем священнодействовал в ванной комнате. Вымыв наскоро свои руки и налив теплой воды в тазик, он поставил в него дочь и осторожными касаниями начал отколупывать впившиеся зерна гречихи из коленок, попутно проводя экспресс-допрос:

– Зачем она, – не называя имени супруги из принципа, начал он, – поставила туда?

– Мама сказала, что ты на учениях будешь, а там стреляют и значит могут убить, поэтому надо у боженки просить, чтобы он тебя спас.

– А помнишь, месяц назад, я тебя спрашивал про синяки на коленях? Ты тоже тогда стояла на гречке и просила боженку?

– Да. Только не на гречке, а на фасоли, – со знанием дела ответила дочь.

– А сейчас почему она тебя не на фасоль поставила? – продолжал допытываться Захар, обрабатывая дочуркины ранки из домашней аптечки, находившейся тут же.

– Потому что те учения были... види... диве... дивизионными, – с трудом выговорила она, – а эти... още... уще... общие

– Общевоинские, – поправил он ее.

– Да. И значит более опасные. Так мама сказала, – подхватила дочь.

– Ну и?

⁸ Банить – прочищать.

⁹ Гвоздика – 2С1 «Гвоздика» – советская 122-мм полковая самоходная гаубица.

– А чтобы бог услышал молитвы мамы надо пострадать. А с фасолью не так страдает, как с гречкой, – внесла ясность Инесса.

– Вот пусть бы она и стояла, коли так опасалась за мою жизнь! – вырвалось у него невольно и с надрывом.

– Она сказала, что кто-то из нас должен пострадать. Вот я и сказала, что сама хочу.

– Но зачем?! – уже предвидя ответ дочери, воскликнул он.

– А разве непонятно?! Ведь я люблю тебя больше чем мама..., – и с этими словами она обхватила за шею, склонившегося над ней отца.

Слезы брызнули из глаз Захара. Дело принимало несколько другой оборот. Жена оказывалась не профессиональной садисткой, а чокнутой на религиозной почве, что, разумеется, не делало ее менее опасной, но хоть как-то объясняло ее поведение. Позже выяснилось, что «умерщвление плоти» не ограничивалось стоянием на бобовых и злаковых, иногда оно принимало форму завязанного узлом конца мокрого полотенца, чтобы не оставлять явных признаков избиения. Но это уже была совсем другая история, не относящаяся напрямую к данному повествованию.

Пока же Оксана несколько попритихла и даже несколько поумерила религиозное рвение, почти перестав посещать молитвенные собрания, да и макулатуры в доме явно поубавилось. Захар же напротив, лишь усилил бдительность и контроль по отношению к жене.

Прошло еще немного времени. Девочка уже перешагнула свою первую «пятилетку». Был теплый летний июльский день. Опять суббота. С утра поехали с дочкой в парк культуры и отдыха имени 50-летия Октября. Она уже давно просилась отвезти ее туда, чтобы посмотреть и покормить лебедей, которые проживали там, в домиках, на середине искусственного водоема. Раньше все как-то не получалось, а теперь пора было выполнять обещанное. В парке провели время до самого обеда. Возвращались в приподнятом настроении. До обеда оставалось еще около получаса, поэтому Захар разрешил Инессе навестить свою любимую подружку – Фуфайку, которая месяц назад опять оценилась от невесть кого, и принесла семерых милых щеночков. Отпустив дочку во двор, сам заезжать туда не стал, а остался на улице возле машины, приподняв капот, ковыряясь в ее внутренностях.

Как уже сообщалось выше, Фуфайка была всеобщей любимицей местной детворы и поэтому всегда охотно принимала участие во всех детских забавах. Она всегда очень ровно относилась ко всем ребятишкам, разрешая им вытворять с собой все что угодно. Но отношения с Инессой у нее были особые. И если по отношению к себе Фуфайка разрешала любые эксперименты, то это никак не касалось ее потомства. Она никому не разрешала брать ее щенков на руки, пока те не достигнут определенного возраста. Она не рычала и тем более не кусалась, но всячески старалась не подпускать никого к своему выводку, а если какой из щенков все-таки попадал в руки одного из ребятишек, то она подходила к нему, и аккуратно перехватив свое чадо поперек туловища зубами, забирала его из рук такого ребенка. И уж конечно она никого не пускала в свою будку. Незваных гостей она попросту вытаскивала оттуда, уцепив зубами за штанину или края платья. Видимо собака каким-то своим чутьем понимала, что дети порой в безудержной своей ласке могут попросту затискать еще не окрепших щенков до смерти. Однако из всех правил бывают исключения. Таким исключением и была Инесса. Только ей разрешалось заходить в будку и брать в руки еще слепых щенков. Собака была абсолютно уверена, что девочка с большими серыми глазами, на всегда серьезном лице, никогда не причинит ни малейшего вреда ее потомству. И эта уверенность имела под собой прочную основу. Так было и в этот раз. Щенки, радуясь погожему солнечному дню, высыпали вслед за матерью из будки. Все кроме одного, маленького, круглого со всех сторон, как голыш, и оттого немного растяпистого. Из-за этой своей растяпистости он зачастую опаздывал к обеду, беспомощно тычась в уже занятые чужими пастями мамы соски. Инесса была хорошо осведомлена об этой его особенности, поэтому старалась не упустить момент кормления, когда

это было возможно и почаще его подкармливать, когда такой момент упускался. Все щенки у Фуфайки всегда получались черного цвета, но не абсолютно. Присутствие рыжих, реже серых пятен, обнаруживалось то на лапах, то на боках. Этот же был похож на маленький живой кусочек кузбасского антрацита, черным от носа до кончика вечно подрагивающего хвостика. Ему вполне бы подошла кличка нечто вроде Черныша или Уголька, но Инесса упорно звала его Колобком и спорить с ней по этому поводу ни у кого не было смысла.

Выскочив из машины, Инесса, пообнимавшись с подругой, разлегшейся на травке, быстро пересчитала спящих возле нее щенков и не найдя Колобка ринулась на его поиски. Поиски не заняли много времени. Инесса быстро нашла его, пыхтящего и кряхтящего, пытающегося разобраться со своими лапами, которые ему никак не удавалось уговорить перелезть через высокий порожек будки. В маленькой поясной сумочке у Инессы хранилась половина котлеты от завтрака. Именно остатками этой котлеты она и собиралась подкормить своего любимца. Для этого ей пришлось залезть в будку, дабы в тайне от его ушлых братьев и сестер, провести нужную процедуру.

И отец и дочь, занятые своими делами, не заметили, как во двор въехала большая грузовая машина. Она была выкрашена в темно-зеленый цвет с будкой на шасси вместо кузова и двумя надписями на боку – крупной «ветеринарная служба» и мелкой «отлов бродячих животных». Громкие и резкие хлопки, как удар хлыста, щенячий визг и вой раздавшийся и тут же оборвавшийся мгновенно сообщили Захару, что случилась какая-то беда. Сопоставив в уме собачий вой, хлопки и представив дочь в окружении щенков, он выскочил из-под капота своей машины и припустился в сторону шума, где уже начинал раздаваться хор детских кричащих голосов. Эти детские крики еще больше добавили ему скорости. Прибежав во двор, понял, что опоздал. В задние, распахнутые дверцы кунга¹⁰, двое молодцов в спецовках неразборчивого цвета и с короткоствольными гражданского образца винтовками за плечами уже закидывали бездыханное тело Фуфайки. Инессы нигде не было видно. Процессом погрузки руководил пожилой с недельной щетиной на щеках и подбородке мужичок в кепке «а ля Лужков». Он подскочил с мужичку и схватил того за грудки, явно намереваясь в порыве праведного гнева вытрясти из него всю мелочную душонку. Вообще, с некоторых пор, Захар и сам стал с удивлением отмечать, как легко ему удается терять самообладание и трезвость рассудка. Нервы были не к черту. Вопреки ожиданиям, мужичок не стал ни сопротивляться, ни увораживать, а только тихо и спокойно сказал:

– Отпусти.

Тут только Захар разглядел, что правый рукав его пиджака аккуратно заправлен в карман.

– Что вы себе позволяете?! Средь бела дня, на детской площадке, да еще при детях! – срывающимся от бессилия и ненависти голосом, пролязгал Захар, все же отпуская щетинистого распорядителя.

– Ты паря, кулачонками передо мной не маши и заботящегося о детском целомудрии из себя не корчь, – спокойным голосом ответил тот, расправляя левой рукой помятый реглан пиджака, – мы ведь тоже не от балды здесь, а на службе.

– Но зачем так-то, ведь можно же было как-нибудь по-иному?! – продолжал бушевать Круглов.

– Как по-иному?! В городе объявлено чрезвычайное положение в связи со вспышкой бешенства среди домашних животных. Мы обязаны любыми средствами срочно локализовать эпидемию.

– Но ведь есть же какие-то более гуманные методы... Отлов, например. А затем тестирование..., – не унимался Захар.

¹⁰ Кунг – аббревиатура, обозначающая кузов универсальный герметизированный.

– Какое на х... тестирование?! У них же все по остаточному принципу! Деньги нашлись только на патроны, – парировал он слова Круглова.

Между тем его помощники собирали щенков и по два кидали к убитой ими матери. Детский плач и рев не прекращался. Кое-где слышались недовольные голоса жителей, возмущенных этой жестокой расправой.

– А дети?! Вы подумали, какую душевную травму вы наносите им своими действиями?! – в праведном негодовании воскликнул Захар.

И тут однорукого прорвало:

– Слушай, ты! Учитель мля... Не мы сами, а кто-то из ваших накатаз заявку, что во дворе бродит собака и пристаёт ко всем детям! Все вы хороши за чужой счет! Моралисты! А из вас всех, тут недовольных, хоть у кого-нибудь шевельнулась забота в голове?! Кто-нибудь из вас за свой счет догадался сделать им прививку?! – кивнул он в сторону распахнутых дверей кунга. – Или хватило ума хотя бы вскладчину купить псине ошейник?! Вы же знаете, что в тех, кто в ошейниках мы не стреляем. Я уж молчу, что никто из вас, святош, не взял собаку к себе. Мебель погрызет, обои поцарапает! Так?! И после этого смеете предъявлять нам претензии?! Добренькие значит?! А мы значит дерьмо?! Да?!

Захар стоял, ни жив, ни мертв. Безрукий мужичок, ни разу не коснувшийся его, сумел надавать оплеух и повозить его, майора Круглова, мордой об асфальт.

Присмотревшись к однорукому, как следует, заметил очень характерный продолговатый шрам на шее справа. Сопоставив шрам, отсутствие руки и примерный возраст, неожиданно спросил враз потишевшим голосом:

– Афган?

Тот молча кивнул, доставая пачку «Примы» из левого кармана пиджака. Ловко вытряс оттуда сигаретину, засовывая ее в рот. Положив пачку назад и достав зажигалку начал шелкать колесиком по кремню, пытаясь закурить. Закурив, произнес:

– Кунар¹¹. 45-й ИСП¹².

Затем сделав глубокую затяжку спросил в свою очередь:

– Сам-то я смотрю, тоже из служивых?

– 23-я отдельная гвардейская мотострелковая бригада, – отрекомендовался в свою очередь Захар.

Сзади неслышно подошла Инесса, держа Колобка на руках.

– Папа! Что случилось?! Где Фуфа?! Почему стреляли?

– С тобой все в порядке? – перебил ее отец. И дождавшись утвердительного кивка продолжил допрос, явно увильывая от прямого ответа. – Ты где была?

– В будке лежала, – невозмутимо ответила дочь.

– Как это, лежала?! – удивился отец.

– Просто. Ты же сам всегда говорил, что когда стреляют, надо лечь на пол и прикрыть голову руками. Вот так, – и она показала, как это делается, на секунду выпустив и тут же опять подхватив на руки беспокойного щенка. – Папа, где Фуфа?!

«Афганец» отвернулся, чтобы дым сигареты не задел лицо девчушки.

– Видишь ли, доча, в городе началась эпидемия среди собачек, – он с трудом подбирал слова и тщательно прятал свои глаза от пыливо-вопрошающих глаз дочери, – и поэтому дяди приехали, чтобы забрать их к ветеринару. Видишь, вон написано на машине: «Ветеринарная служба».

– Я слышала, как кричали щенки и плакала Фуфа. Что с ними?! – голос девочки звучал все тверже и подозрительней.

¹¹ Кунар – провинция в Афганистане.

¹² ИСП – инженерно-саперный полк.

– Да. Это так, – согласился с ней отец. – Вон видишь, дяди с ружьями. Это они стреляли. Но ты не волнуйся. Они стреляли не по-настоящему. Патроны были усыпительные. Сейчас их отвезут к доктору, который лечит животных. Я тебе читал про Айболита, помнишь? Вот. Там они поспят, доктор их осмотрит и проверит, болеют ли они или нет. Если они больны, то их будут лечить.

Стоя спиной к ним, «афганец» громко хмыкнул.

– А потом их отпустят. Или отдадут в хорошие руки, – продолжал витийствовать отец, кожей ощущая, как между ним и дочерью начинает нависать тень недоверия.

– А как же Колобок?! Его тоже заберут?

– Нет-нет! – поспешил Захар, оглядываясь на курившего распорядителя. – Колобка мы сами потом с тобой отнесем к ветеринару. А сейчас иди, отнеси Колобка домой, ты же ведь хотела иметь собачку?

– Что?! Правда?! Можно?! – не веря своему счастью, воскликнула Инесса.

– Правда! Можно. Только надо будет уговорить нашу маму, – уже чуть спавшим голосом закончил он свою фразу.

– Только и у Фуфы надо спросить разрешения. А то она проснется, а Колобка – нет. Она будет плакать. Можно я спрошу у Фуфы разрешение? – спросило сердобольное создание.

– Нет! – едва не хором ответили оба мужчины.

– Нет, – еще раз повторил отец. – Она сейчас спит, и будить ее нельзя. А то опять потом придется ее усыплять, а это как ты сама слышала, не очень приятно будет для нее опять.

Она опять внимательным взглядом посмотрела на отца. Врать могли все – мать, подружки, воспитатели в саду, надписи, даже собственные глаза могли обманывать, но только не отец. Этой мысли она не могла допустить даже на краткий миг.

– Ну беги, давай, – слегка подтолкнул он ее.

Девочка послушно пошла к дому. Бережно прижимая к груди свое первое маленькое сокровище.

– Детям всегда надо говорить правду, – не оборачиваясь к Захару, процедил сквозь зубы ветеран прошлой войны.

– Какую? – усталым голосом спросил его Круглов.

– Любую! – рубанул тот.

– Зачем? – спросил Захар и без того чуя абсурдность задаваемых им вопросов.

– А затем, – отрезал собаколов, – чтобы они знали, какую сволочную работу, мы вынуждены делать каждый день. И чтобы с детства приучались не предавать своих друзей. Ни на четырех, ни на двух ногах.

С этими словами он кинул окурок оземь и полез в кабину уже подъехавшего к ним грузовика. Едва не забыв закрыть капот своей машины, Захар на ватных ногах побрел к дому. Дома, как он и предполагал, уже всюю из кухни разорялась Оксана. В углу, сидя на корточках и прислонившись к стене, насупившись, сидела Инесса, прижимая к груди Колобка. Не обращая на вопли супруги никакого внимания, Захар прошел в комнату и не разуваясь, плюхнулся на диван, жестом подзывая к себе дочь. Крепко прижав к себе, не выпускающую из рук щенка дочь, тихо проговорил:

– Ты уж прости меня, дочка. Прости своего глупого отца, если сможешь...

– За что?! – вытаращив глазенки, удивилась она.

– Соврал я тебе. Нету больше нашей Фуфы и детишек ее тоже нет.

– Как?! Ты же... – часто-часто моргая ресницами начала она, но потом будто подавилась чем. Слезы моментально навернулись ей на глаза.

– Не успел я добежать. Убили их, – прижимая к себе еще сильнее ребенка одной рукой и глядя ее по соломенным волосикам другой, почти прошептал отец.

– Убииили! – тонко и с надрывом повторила она. Слезы душили ее, а тельце содрогалось от почти беззвучных отчаянных рыданий.

Прижимая к себе дочь, он и сам не заметил, как его собственные слезы замутили взор. Так они и сидели, слегка покачиваясь и вздрагивая плечами от очередного всхлипывания. За этим занятием их и застала Оксана, раздосадованная тем, что ее никто не слушает. Зрелище, открывшееся ее взору было настолько непривычным, ибо она не привыкла видеть плачущую навзрыд дочь и тем более плачущего вместе с ней мужа, что она предпочла захлопнуть свое едалище, и тихо-тихо пятясь задом, вновь вернуться, откуда только что пришла.

Успокоились, где-то, через час. Кое-как поели сами и накормили щенка. Оксана ни в какую не соглашалась оставить щенка дома, мотивируя свой отказ тем, что днем, когда никого дома нет, за ним не будет и присмотра. Довод, конечно, был более чем убедителен и требовалось его опровергнуть. С опровержением пока выходила заминка. Но жена милостиво разрешила оставить его до понедельника, пока муж не купит для него хотя бы ошейника. Весь вечер щенок просидел возле входной двери, тихонько поскуливая. Брать его к себе в постель мать с отцом Инессе не разрешили. Это было, пожалуй, единственное обоюдное согласие супругов за долгое время. А утром, едва забрезжил рассвет, Оксана тихонько, пока все спали, открыла входную дверь и вынесла Колобка на улицу. Своим же домочадцам объяснила, что вынесла его утром на улицу, чтобы тот справил свою нужду, но он де вырвался от нее и убежал, а она бедняжка, не смогла его догнать в туфлях на высоком каблуке. Отец с дочерью только переглянулись, понимающе. Впрочем, из этой проблемы трагедию делать не стали. Оба прекрасно понимали, что далеко со двора Колобок никуда не денется и от своей будки никуда не убежит, поэтому решили разделить обязанности: дочь после завтрака отправляется во двор искать «убежавшего» щенка, а отец едет в специализированный магазин и покупает там щенячий ошейник и поводок. Здесь же, за столом и пришло решение всей проблемы в целом. К всеобщему удовлетворению решили, что в четверг, когда у Захара начнется очередной отпуск и он, как это уже и было в прошлом поедет с дочерью к своим родителям в Реутов, они с собой захватят и Колобка. Тем более не так давно мать Захара – Ольга Валентиновна, проживающая в частном секторе, жаловалась, что старая собака, охранявшая дом умерла, а новую пока что не смогла подобрать. Только к этому времени его надо будет найти и успеть до отбытия сделать ему нужные прививки, а то в поезд не пустят. На том и порешили.

Если с покупкой ошейника не возникло никаких проблем, то это нельзя было сказать про самого щенка. Его местонахождения определить так и не удалось. Инесса обшарила весь двор и опросила всех знакомых. Все опрошенные, видели его, то там, то тут, но сказать, где он находится в данный момент, затруднялись. Поиски Инесса не прекращала. В среду, знакомые мальчишки сообщили ей, что будто бы видели его в компании каких-то уличных собак, проходивших мимо двора, они вроде как стали его окликать, но тот проигнорировал их призывы. Времени практически не оставалось. Билеты до Реутова уже были куплены.

В эту ночь Захару так и не удалось уснуть. Боль в груди, которая, то увеличивалась, то затихала, липкая духота июльской ночи, волной цунами нахлынувшие воспоминания не дали сомкнуть глаз. Уже перед тем как пора было вставать, в комнату заглянула Инесса, и увидев, что отец тоже не спит, прошлепала босыми пятками по полу к его кровати.

– Папка! Знаешь, что я тебе хотела сказать? – прошептала она подойдя к его кровати вплотную.

– Что, дочка?

– Папка, – повторила она с придыханием, – я тебя вооот так вот люблю! – С этими словами она обвила его шею ручонками и приникла головой к его груди.

– Спасибо, дочка! – так же тихо прошептал он ей, глядя рукой ее головку. – Ты настоящий друг!

– Я тебя никогда-никогда не брошу! – продолжила она, не отрывая своей головы от его груди. – А когда ты станешь совсем стареньким, я сама буду кормить тебя из ложечки и читать тебе газеты. Вот!

В горле у Захара запершило от нахлынувших чувств. Пора было вставать, но он все гладил и гладил ее по голове, а она никак не хотела отпустить его шею.

Завтрак прошел в молчании, как обычно. Сегодня предстоял последний поход в садик, перед тем как уехать в далекий Реутов к бабушке.

Когда Захар с дочерью вышли на улицу, он обратил внимание на отсутствие привычных уже бабушек у подъезда, которые обычно с самого раннего утра уже начинают оккупировать все дворовые лавочки. Ни души. В самом дворе тоже было необычайно пустынно. Никто не спешил на работу, родители не вели детей в садик. Создавалось впечатление, что город замер в ожидании чего-то и боится это «чего-то» ненароком спугнуть. Уже выходя со двора, они услышали как зашуршали кусты, и вдруг из них выкатился черный, как уголь щенок. Будто холодный сквозняк пронесся между лопатками, и разом как-то стало невыносимо зябко, словно неожиданно осень на секундочку заглянула в летний месяц.

– Колобочек! – взвизгнула Инесса и бросилась к нему со всех ног.

– Нашелся, бродяга! – вторил ей разудыбавшийся отец, оглядываясь по сторонам в поиске источника необъяснимого холода.

Колобок не стал докладывать о том, где он пропадал все это время. Инесса подхватила его на руки, но он обычно спокойно чувствующавший себя на ее руках до этого, сегодня был какой-то беспокойный и все время норовил увернуться.

– Пап! Может, все-таки оставим его себе?! Ведь у него никого-никого не осталось! Он совсем один!

– Дочка, ты же знаешь нашу маму. Она найдет тысячу способов, чтобы избавиться от него. К тому же ты и сама прекрасно понимаешь, что за ним нужен постоянный присмотр.

– Я сама буду вставать раньше, и выгуливать его!

– А днем?

– И днем что-нибудь придумаем! Если мы вдвоем пойдем против мамы, она отступит. Я знаю.

– Знающая, ты наша! – усмехнулся он и присел на корточки рядом, чтобы тоже погладить щенка.

Он уже протянул к нему руку, когда поймал на себе остановившийся взгляд Колобка. Сорокаградусный мороз ошпарил все тело Захара, когда их глаза встретились. Это был не Колобок. Вернее, это был он, но взгляд не принадлежал ему. Из глубины черных как ночь глаз на него смотрела сама СМЕРТЬ. И Захар почувствовал, что это была именно его смерть, а ничья иная. Она была беспощадна и неотвратима. Сердце опять тягуче и нестерпимо заныло. Он отдернул руку от щенка, будто обжегшись в пламени. Щенок тоже что-то почувствовал и отвел глаза. Захар с трудом поднялся. Колобок, тем временем, как-то ухитрился извернуться из объятий Инессы, и юркнуть обратно в непролазные кусты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.